

Предисловие

Эта книга противоречит большинству рекомендаций известных авторов книг по воспитанию ребенка, и именно рекомендациям по кормлению. Вам обычно предлагается лишь одна схема: если ребенок отказывается от предложенного блюда в установленное для еды время, надо убрать тарелку и выставить ее снова в следующее кормление. Точно такой же схемы придерживаются кинологи при воспитании щенка. Да, следуя этой рекомендации, Вы можете быть уверены в том, что через сутки слез и капризов Ваш малыш будет жевать даже картон. Это если Вы победите. Но не у всякого родителя хватит сил и времени для сомнительной победы, сомнительной потому, что никогда впихнутое таким образом в ребенка блюдо не станет для него желанным и любимым. И в любом случае Вам предлагается война. Эта книга предлагает мир. Прочитайте ему перед завтраком или обедом рассказ о том, что будет ему предложено, или пообещайте сделать это после еды, как поощрение. В конце концов, отвлеките ребенка сказкой во время кормления. Уверяю Вас, что ничего страшного не произойдет, тем более, что Вы не раз делали это, приговаривая: "Ложечку за папу, ложечку за маму!", вот только не всегда это срабатывало, да и список любимых родственников кончался слишком быстро. Если же Ваш малыш и так обладает хорошим аппетитом, не исключено, что в этой книге он найдет для себя новое блюдо, которое попросит Вас приготовить, и таким образом расширит свой рацион. Приятного аппетита!

ПАМПЕРС НЕ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Жил в небольшом городе в прекрасной дружной семье Персик. Любили его и хозяин с хозяйкой, и их сынишка - маленький Елисей, или просто Лесик. И Персик тоже их всех любил. Это был не тот персик, который можно купить в магазине, хотя ведь его купили именно в магазине. И это был не тот персик, внутри которого косточка – хотя у него внутри тоже была косточка, вернее много-много косточек. Этого Персика нельзя было есть, потому что Персик – имя замечательного щенка, который считал себя взрослой и серьезной собакой и которому очень нравилось его редкое, чудесное и красивое имя. Причем на настоящий персик он совсем был не похож. Бывают собаки, например, пудели, золотисто - желтого цвета цвета. Они так и называются – абрикосовые. Но этот щенок был совершенно белым. Очень не любил он вспоминать, как досталось ему чудесное имя. А произошло это так...

Когда Елисей немного подрос, родители решили сделать ему чудесный подарок – лучше любого велосипеда, пистолета или машинки. Они пошли в специальный магазин, где продаются

животные и купили там белоснежный крошечный комочек, маленькую собачку. Маленький клубок шерсти полностью одобрил покупку, и пока его несли из магазина на руках, вертелся, пищал и старался лизнуть своих новых хозяев в подбородок. А что это его новые хозяева, щенок понял сразу - очень они ему понравились.

А дома щенка ждал такой сюрприз, что он сначала даже не поверил своему счастью: у него оказался еще один хозяин – маленький мальчик. Трудно сказать, кто обрадовался больше, наверное, одинаково, потому что оба стали и визжать, и носиться по комнате, и кататься в обнимку по полу и щенок мог хоть сто раз лизнуть Лесика в подбородок, потому что Лесик был для этого вполне подходящего роста. А потом щенку стали придумывать имя. Всем хотелось, чтобы имя было редким, красивым и подходило щенку. И вот какое имя ему придумали – Памперс. Во – первых, это вполне современно. Во – вторых, щенок был таким же мягким, белым и нежным, как детский подгузник. А, в – третьих, уж больно красивое имя. Это так думали хозяева. А щенок думал совсем по-другому. А щенок думал совсем по-другому. Он считал, что такое имя подходит только для тех щенячьих карапузов, которые оставляют за собой на полу квартиры лужицы. Но он – то вполне чистоплотная собака, и чтобы сделать лужицу, выходит на улицу, отыскивает кустик погуще, где его никто не видит, и только там делает свои делишки. Так что не показалось модное имя щенку красивым. Но как объяснить это хозяевам? А очень просто. Не стал щенок на это имя откликаться – и все! Хозяева зовут: “Памперс! Памперс!”, а никто к ним и не бежит, и хвостом не виляет, а откликается только телевизор, – в нем сразу показывают карапузов в дышащих подгузниках, а иногда и просто так показывают, когда никто “Памперс” не кричит. Догадались тогда хозяева, что не так надо звать щенка, а расстаться с придуманным именем жалко. И решили они имя сократить и назвать щенка Персом. Они решили, что это звучит достаточно мужественно: ведь раньше персами называли сильных, загорелых, мускулистых людей, которые были не прочь подраться. Сейчас этих людей называют иранцами, и они до сих пор сильные, загорелые и воинственные.

Особо сильным щенок себя не чувствовал, загореть вообще не мог – разве что испачкать шкурку, ну а драться ему совсем не хотелось. Ну как же не чувствуют хозяева - не его это имя! И когда раздавался призыв: “Перс! Ко мне!”, щенок не только не бежал на зов, а брел совсем в другую сторону, печально опустив хвостик к полу. И такой жалкий и несчастный был у него вид, что маленький Лесик подбежал к собаке, обнял ее за шею и шепнул в мягкие ушки: “Не горюй, Персик, мы тебе другое имя придумаем!”. И вдруг щенок подпрыгнул и лизнул Лесика в подбородок. “Персик! Ты - Персик!” – закричал Малыш, и белый мячик еще два раза подскочил. “Персик!” – позвала хозяйка, и щенок радостно бросился к ней. “Персик!” – крикнул хозяин, и щенок чуть не сбил его с ног. Тут все стали звать его наперебой, и щенок носился от одного к другому всем своим видом показывая, как нравится ему откликаться на это новое чудесное имя.

ОВОЩНОЕ РАГУ

Все - таки замечательные хозяева оказались у Персика!

Сначала они купили Персика Елисею, а теперь Персику купили Дачу. И, чтобы Персику не скучно было там жить одному, поехали туда все вместе. Ах, какое это чудесное место – Дача! Когда выходишь с электрички на станцию, уже заметно, что это не город, хотя дома вдоль железной дороги похожи на городские – кирпичные, двух – и трехэтажные, с гаражами и высокими каменными оградами. Пройдешь мимо них – откроются заросли ивняка, за которыми скрывается круглый пруд, весь берег которого усеян овальными белыми камнями – нигде никто больше таких не встречал . И почти сразу за прудом – вот он, маленький аккуратный деревянный домик за невысоким заборчиком, полным отличных крупных щелей – иди в какую хочешь сторону. На калитке – вырезанный из жести петушок, и когда ее открываешь, кажется, что он поет, хотя на самом деле это скрипят старые петли.

Персику и Лесику сначала казалось странным, что никто не живет у них под ногами, внизу. И над головой никто не живет – один этаж в доме всего. Это теперь все принадлежит им всем: папе, маме, Лесику и собаке. И не только дом, но и все, что внутри за забором: все кусты, яблони и груши, вся земля, заросшая одуванчиками и подорожником , и огромная корявая береза прямо у крыльца. С этого дома и начинается небольшая деревушка – всего несколько таких же небольших деревянных строений. И соседи попались прекрасные – справа жила бабушка Майя, которая держала корову, теленка и гуся, а слева –мальчик Антошка с мамой, собакой Локусом и миниатюрным котом Жуликом.

Позже Лесик подружился еще с очень многими дачниками, но в первые дни у него не было времени для знакомств.

Дачу купили ранней весной, когда еще кое-где лежал снег, не грязный и черный, как в городе, а блестящий и голубоватый, слежавшийся за зиму и ставший плотным и колючим.

Первые дни на даче были посвящены осмотру окрестностей, и сразу был найден любимый маршрут – на речку. Дорога к реке тянулась вдоль черных мокрых полей, которые нигде не кончались, так и уходили в голубое небо.

Дальний берег реки украшала веселая реденькая рощица, а по темной воде лениво плыли льдины. Иногда на льдине сидела ворона, и Персик никак не мог оставить это без внимания: птица должна летать, а не плавать. Пес тут же заходился лаем, а вороны, как нарочно, отворачивались в другую сторону и способ передвижения менять не собирались.

Лесик спускал на воду лодочки из щепок и кусков коры, и их уносило течением вместе с воронами и льдинами, конечно, если только Персик не успевал поймать их у самого берега. Лезть в ледяную воду щенок сов сем не хотел, и как только холодный поток задевал его брюшко, с визгом выскакивал из воды.

Как только земля прогрелась, льдины то ли все уплыли, то ли растаяли, а чудесные прогулки на речку прекратились, потому что хозяева вдруг очень заинтересовались травой, которая росла на участке вокруг дома. Листья мать-и-мачехи к этому времени сильно подросли, стали величиной с ладонь, и каждое растение украсилось цветком, похожим на маленькое солнышко. Одуванчики тоже выбросили вверх высокие стрелки с

тугими овальными бутонами. Хозяева с непонятной жестокостью набросились на беззащитную травку. Они выдирали ее из земли отдельными стеблями и целыми пучками, складывая в огромные кучи. Лесик, вместо того, чтобы пожалеть бедные растения, присоединился к уничтожению зеленого ковра.

Персик смотрел – смотрел на это безобразие, не выдержал и тоже бросился помогать. Тьфу ты, гадость какая! Во рту сразу появился противный горький вкус, в носу защекотало от колючих травинок, в глаза попали комочки земли. Нет уж, пусть эту работу без него делают! И работу сделали. А потом хозяин взял лопату и стал копать землю. Вот это подходящее занятие для собаки! Персик изо всех сил стал помогать хозяину: копал и задними, и передними лапами, твердые корешки, зажмурив глаза, перегрызал зубами и очень скоро превратился в черный, влажный и грязный клубок шерсти. И к тому же он очень устал, а потому решил немного поспать. Спал Персик обычно в плетеной корзинке у порога, чтобы ему было удобнее охранять дом, но иногда, к сожалению, очень редко, ему разрешали немного полежать на кровати. Персик решил, что сегодня это право он вполне заслужил, забрался на покрывало, как все собаки, поскреб облюбванное местечко, вытянулся поудобнее и почти сразу заснул. Покрывало легко сдвинулось вместе с одеялом, и Персик оказался хвостом на белоснежной простынке, животом – на одеяле, а мордочкой – на подушке. Слепившая шерсть грязь не давала покоя, и Персик все время крутился во сне. Сквозь дремоту щенок с удовольствием ощущал, как противная грязь потихоньку впитывается в белье, подсыхает и отваливается. Персик начал смотреть интересный сон о том, как он откопал в огороде симпатичного крота в очках и с радиотелефоном на поясе, и умный крот стал уговаривать Персика пользоваться каким – то очень выгодным тарифом для дачников. Персик вежливо отказывался, потому что собаки по телефону не разговаривают, но крот вдруг ужасно разозлился и страшно закричал хозяйкиным голосом: “Ах ты, противная собака! Нет, вы только на него посмотрите!” Персик осмотрел себя со всех сторон – ничего противного. А крот ухватил в обе лапы свой радиотелефон и стукнул им Персика. Персик вздрогнул и проснулся в тот момент, когда хозяйка снова замахнулась на него полотенцем. Жалобно взвизгнув, скатился щенок с кровати и метнулся к двери, но хозяйка оказалась проворнее, изловчилась и поймала Персика у самого порога, ухватив за клочок грязной шерсти. На мамин крик прибежал испуганный Лесик, но, увидев в чем дело, рассмеялся. Он – то думал, с мамой что-нибудь случилось или с Персиком, а здесь дело всего лишь в грязи. Ну, грязь – то отстирать можно: с белья – полегче, со щенка – потруднее. Бедный Персик, чувствуя свою вину, безропотно дал вылить на себя целую бутылку шампуня и ведро воды, а когда обсох, стал, как новенький: белый и чистый, и только к вечеру стал опять пахнуть собакой, а не карамелькой, как пах после детского шампуня “Кря-Кря”.

А хозяин – то за это время успел раскопать всю лужайку перед домом и сделал из нее много длинных прямоугольных куличиков, он называл их грядками. Персик очень жалел, что не видел, где хозяин достал для таких огромных куличей формочки.

На следующий день хозяйка вынесла из дома целый ворох пакетиков, в которых что-то шуршало и перекатывалось. Это были семена. Лесик вместе с мамой стали сыпать на грядки крошечные шарики, маленькие заостренные палочки, плоские диски и настоящие семечки от подсолнуха, тыквы и кабачков. Персик удивлялся – понятно, со всякой мелочью нечего церемониться – выбросить, и все тут, но зачем же закапывать вкусные тыквенные семечки? Самим не нужны – лучше бы ему отдали, он сгрызет с удовольствием. Персик попытался спасти добро – начал откапывать семена, но хозяйка так на него посмотрела, что у щенка сразу аппетит пропал.

Хозяева Персика совсем теперь забросили славные походы на речку, и только и делали, что возились с черными куличиками: поливали их, рыхлили землю, выпалывали сорняки. И через несколько дней на грядках показалась травка. Она была совсем не похожа на жирные сочные листья одуванчика или мать – и – мачехи, была нежной и слабой. На одной грядке листочки походили на зимние узоры на окне, на другой – на узкие длинные ленты, на третьей – на плоские лепешки. Персик все же не выдержал, раскопал пару грядок и повытаскивал растения вместе с корнями. Корни были мелкими и хилыми. Пожевал – тьфу ты, гадость какая, хуже одуванчиков! И чего это все так с ними возятся!

А когда лето прошло, хозяин за окрепшие листья вытащил из земли – вот чудо! – и морковку, и репку, и брюкву. Мама отнесла овощи на кухню, поколдовала над ними, и вечером на столе красовалось овощное рагу – яркое и разноцветное, как конструктор “Лего”. Лесик попробовал ложечку – вкуснотища – то какая! Он уже почти доел свою порцию, но вдруг вспомнил про собаку:

- Мама! А Персику почему рагу не положили?

- Положили – положили, -улыбнулась мама. Просто я его мисочку на окно поставила – студиться.

Хозяйка поставила перед Персиком полную миску рагу, пес смотрел на еду голодными глазами, облизывался, но есть не решался. Хозяйка рассмеялась:

- Ах ты, деликатный пес! Помнишь, как грядки раскапывал и овощи выдергивал? Да тебя ведь давным-давно простили. Ешь давай!

Персик благодарно вильнул хвостом, потянулся к миске и сам не заметил, как она опустела.

- Все! – решил про себя Персик. – Больше никогда не раскопаю ни одной грядки! Только делать их буду. Как же узнать, где хозяин берет для них формочки.

ПЕРЛОВАЯ КАША

Утром мама сварила для всей семьи перловую кашу. Она уже мыла свою и папину тарелки, Персик облизывал миску, выбирая последние крупинки, а у Лесика тарелка все еще оставалась полной.

- Что случилось? – спросила мама. – Почему ты не ешь?

- Аппетита нет, - промямлил Лесик и сделал вилкой в каше небольшой туннель.

- Уж не заболел ли ты? – забеспокоилась мама. – Иди-ка в постель, я сейчас градусник принесу.

- Да не заболел я, - сердито зашмыгал носом Лесик. – Просто каша какая – то необычная. Все каши, как каши – крупинки у них мелкие, между собой слепленные, а эта даже не знаю, на что похожа.

- Зато я знаю, - почему-то подмигнул маме папа и обратился к сыну, – Пойдем, я тебе покажу.

Папа взял Лесика за руку, и они пошли по узкой тропинке через заросли ивняка к круглому пруду. На берегу папа спросил Лесика:

- Ну-ка, посмотри, на чем ты стоишь?

Лесик посмотрел себе под ноги, да так и ахнул:

- Точно, перловка, которую мама варила. Только какая крупная! – и он поднял один из овальных белых камней, которые покрывали берег пруда.

- Да –да! Эти камешки – настоящая гигантская перловка, и сейчас я расскажу тебе, почему она здесь оказалась, и почему ее никто не ест. Когда-то жили на земле великаны. Они были такими огромными, что даже не строили себе домов. У тех великанов, которые пытались это делать, все равно ничего хорошего не получалось – какие бы толстые бревна не клали они на пол, полы под их весом ломались, как щепки, уже на следующий день. Но великаны не очень – то расстраивались, на свежем воздухе им жилось прекрасно, ведь кожа их тоже была великаньей – грубой и толстой, а дыхание таким горячим, что могло растопить лед. Так что самые лютые морозы были великанам нипочем. Самый сильный ливень был для них, как для тебя легкий туман, а самый сильный ураган – как ветерок от крыльев пролетевшей рядом бабочки. Понятно, что никакого мяса великаны есть не могли – ведь огромная корова казалась им просто букашкой, а есть букашек они, конечно, не хотели.

Поэтому питались великаны одной перловой кашей, гигантские семена которой хранились у них с незапамятных времен. Они сеяли семена на огромных полях и собирали урожай с огромных перловых деревьев в любое время года. Только зимой им приходилось устраивать дежурства около полей, – иначе бы их урожай замерз. Великаны в морозы стояли около поля и дышали на него. На эту работу брали самых умных и ответственных великанов: ведь если дышать недостаточно сильно, урожай мог погибнуть от мороза, а если дыхнуть как следует, все могло сгореть. Маленькие великаны учились правильно согревать поля по много – много лет. Тренировались они на каких –нибудь ненужных буреломах, так что если кто-нибудь и сжигал нечаянно старые поваленные деревья, большой беды от этого не было. Наоборот, польза - выжженное место можно было через год засеять перловкой.

Конечно, огромных кастрюль для варки каши у великанов не было, но они прекрасно обходились без них. После уборки урожая каждый великан нагребал, сколько мог, крупы в свои огромные ладони и нес ее к ближайшему озеру или пруду. Если никакого водоема поблизости не оказывалось, великаны топали по земле изо всех сил своими ножищами, и получалась глубокая яма, постепенно наполняющаяся водой – вот кастрюля и готова. В эту кастрюлю засыпали крупу, садились вокруг нее и дули на воду изо всех сил. Вода очень быстро закипала, и, когда каша была готова, великаны ели ее прямо горстями - ведь ложек у них тоже не было.

Но вот стали рождаться у великанов маленькие великанчики, которые были очень капризными. Они не хотели есть перловую кашу, жалуясь, что крупинки в ней слишком твердые и крупные, хотя крупинки были самого обычного размера – вот они лежат у нас под ногами. И после варки зерна были вполне мягкими – примерно, как дерево. Это нам не откусить от дерева ни кусочка, а великаны могли своими огромными зубами перекусить даже самый толстый ствол. Бедным мамам – великаншам приходилось упрашивать капризных детей: “Ну, съешь еще горсточку за маму! А теперь горсточку за папу!” Но - великанчики ели все равно очень плохо и мало, и поэтому вырастали уже не такими большими, как их родители, и дыхание их тоже постепенно становилось не таким горячим, как раньше. Оно перестало обжигать. Новые некрупные великаны сначала даже обрадовались этому – ведь теперь им не надо было долгие годы учиться управлять своими вдохами и выдохами. В морозы они могли просто стоять около поля и болтать о чем –нибудь, или распевать песни, и даже кашлять и чихать, не боясь, что урожай погибнет от огня. Но напрасно радовались некрупные великаны - дети их оказались такими же капризными, как они сами, и ели еще хуже. Трудно их было за это ругать - гигантская перловка становилась слишком жесткой для их измельчавших зубов, ведь теперь даже самые крупные из них еле-еле доставали головой до потолка в человеческих жилищах.

Люди стали называть их не великанами, а великанчиками. Чтобы растопить озеро льда, бабушкам и дедушкам великанчиков достаточно было подуть на него один раз; папам и мамам – два раза, а великанчики затрачивали на это целый час.

В то год, когда великанчикам первый раз доверили уход за урожаем, растения сильно пострадали от морозов. Перловые деревья выросли низкими и слабыми, и больше походили на кусты. Зерна на кустах были мягкими и мелкими, как грецкие орехи, зато прекрасно подходили для зубов великанчиков. Кашу, правда, стало трудновато варить, – чтобы вода закипела, надо было собрать одновременно не меньше десяти великанчиков. Это было очень неудобно, и великанчики попросили людей научить их пользоваться огнем. Но ведь озеро не поставишь на костер. Пришлось великанчикам научиться делать посуду. А потом и дома строить – кожа их стала тонкой и нежной, и не спасала великанчиков от морозов.

Старые запасы гигантской перловки были брошены, где попало, да вот здесь хотя бы, великанчики теперь разводили овец и коров – они больше не казались им букашками. Но все же основной едой великанчиков оставалась перловка, такая, которую сегодня сварила мама.

Дети великанчиков, из – за того, что у них часто не было аппетита, превратились сначала в великанишек, а потом в просто высоких людей. Но узнать потомков великанов и теперь совсем не трудно: в сильные морозы они по привычке пытаются согреть дыханием замерзшие руки.

- Папа! – воскликнул Лесик, - но ведь так делают очень многие люди! И ты так поступаешь, и я! Так неужели мы с тобой могли бы быть настоящими великанами, если бы не эти противные капризули?

- Даже не знаю, - ответил папа, - а вот в гномиков люди, если не будут как следует есть, вполне могут превратиться.

- Ой, какой ужас! А вот если эти камни, эту перловку гигантскую сейчас посадить и поливать, разводить зимой около нее костры, вырастут из нее перловые деревья или нет?

- Навряд ли. Слишком много времени прошло с тех пор, как ее здесь бросили. Надо думать о том, как бы не пришлось людям – гномам выбрасывать такую перловку, которую мы сейчас едим.

- Нет-нет, - забеспокоился Лесик. – Этого допустить никак нельзя. Пошли-ка лучше домой. Есть хочется ужасно, а моя каша, наверно, еще и остыть не успела.

МАКАРОНЫ

Однажды Лесик проснулся рано – рано. Разбудило его громкое чириканье двух воробьев, усевшихся на ветку корявой березы перед домом. Это были мама – воробьяха и папа – воробей, которые подыскивали место для будущего гнезда. Воробью еще час назад понравилась эта береза, он даже принес и закрепил в удобной развилке дерева несколько прутьев, но воробьяха забраковала это место, и они еще долго летали, внимательно осматривая соседние деревья, заросли ивы у пруда, углубления под крышами домов.

Некоторые удобные места уже были заняты другими воробьиными семьями, некоторые находились слишком далеко от домов – а воробьи ведь любят жить рядом с

человеком. А самые лучшие места, как назло, располагались во дворах, где жили кошки – понятно, построить там гнездо не решался никто. И вот, налетавшись и устав, парочка опять вернулась к березе. Воробьи еще не приступили к постройке по – настоящему, потому что хотели убедиться, нет ли во дворе кошек, и хорошие ли хозяева живут в доме. Как раз для этого они и раскричались с утра пораньше: это такая птичья проверка - злой человек, разбуженный не вовремя, разозлится, выйдет и прогонит птиц, жестокий мальчишка бросит камень или из рогатки стрельнет, ну, а добрые люди, конечно, ничего такого делать не будут.

В домике открылась дверь, на крыльцо выкатился белый пушистый комок, подбежал к березе и яростно залаял. Это хорошо: раз лает, значит не кошка. Следом вышел заспанный малыш и сразу отозвал собаку. Тоже хорошо – собака оказалась невредной и послушной. А дальше стало еще лучше: малыш посмотрел на воробьев, улыбнулся, скрылся в дверях, но через минуту вернулся и рассыпал на крыльце целую горсть хлебных крошек. Вот это хозяева! С такими рядом жить – одно удовольствие! Воробьи тут же решили сделать корявую березу своим домом. Они натаскали тонких прутиков, свернули их в развилке ветвей чашечкой. Чашечку изнутри выстлали сухими травинками, а в середине уложили нежные перышки. В гнездо мама – воробьиша отложила яйца, которые птицы стали насиживать по очереди. К счастью, им не надо было подолгу отлучаться от гнезда – ведь Лесик никогда не забывал оставить на крыльце горсточку крошек или семечек.

И вот через две недели Лесик нашел под березой восемь белых с бурыми пятнами и крапинами скорлупок.

- Мама! Папа! – закричал Лесик, - у наших воробьев появилось четыре птенчика!

- А как ты узнал? – спросила мама.

- Да вот, погляди! Каждое яйцо разбилось на две скорлупки, даже сложить еще можно. Значит, птенчиков четыре.

И верно. Четыре слепых и голых птенчика громко пищали в гнезде, требуя еды. Тут уж воробьям пришлось потрудиться. Маленькие птенцы не могут есть крошки и зерна, их надо выкармливать гусеницами, мухами, комарами, и воробьи с утра до вечера занимались охотой. В доме все были благодарны маленьким трудолюбивым птичкам, потому что скоро в огороде не осталось ни одной вредной гусеницы, которые так любят поедать молодые побеги растений, да и комаров заметно поубавилось. Улетая за кормом для птенцов, воробьи были совершенно за них спокойны – Персик, раньше с кошками друживший, теперь ни одну на участок не допускал.

Птенцы росли очень быстро, их слепые глазки открылись, а голое тельце покрылось сырыми перышками. Через неделю они уже почти ничем не отличались от своих родителей, только летать не умели, и в гнезде им становилось тесновато. Три птенца оказались воробьишами – самочками, а один – самцом. И вот этому сыночку – воробью гнездо почему – то казалось особенно тесным. Три его сестрички жались друг к другу и к краю гнезда, чтобы братцу оставалось побольше места, но он топорщил свои перья и все жаловался маме и папе, что ему очень неудобно, и колет со всех сторон то перышко, то травинка, а то и неизвестно откуда вылезший прутик. Мама – воробьиша, как могла, взбивала для сыночка перышки, заталкивала поглубже коварные травинки и выбрасывала острые веточки, но все равно птенчик чирикал, что ему и жестко, и колко, и тесно. А оставалось – то потерпеть совсем немного – всего три дня, и гнездо воробьятам уже не понадобилось бы – они как раз бы научились летать.

Но воробьиша уже так устала от жалоб своего сына, что дала задание папе – воробью построить капризуле новый дом – просторный и мягкий.

Воробей облетел все окрестности в поисках подходящего материала . Он так отчаялся, что даже залетал в дома – и нашел: тряпочки, комки ваты, мягкую бумагу, нитки . Но он умел строить гнезда только из веток и прутьев, поэтому как не пытался он соединить найденные новые материалы, ничего у него не выходило, и гнездо разваливалось. Папа – воробей устал от бесплодных попыток и присел отдохнуть на нижнюю ветку березы – подальше от воплей своего неугомонного сынка. Вдруг открылось окно, и Лесик поставил на подоконник кастрюльку с белыми палочками. Воробей выждал, когда все из комнаты ушли, слетел вниз, сел на край кастрюльки и ухватил одну палочку. Она была необыкновенно мягкой и теплой. Воробей откусил от нее кусочек – она была и вкусной вдобавок! Немного похоже на вкус белых крошек, только гораздо нежнее. Ай да Лесик! Какой же он все – таки внимательный и заботливый!

Воробей набрал целый клюв этих странных белых палочек и полетел к березе. Птенцы спали, и папа – воробей начал строить рядом со старым домом новое гнездо. Палочки были очень гибкими, легко сворачивались, строительство шло прекрасно. Воробей несколько раз слетал вниз за новыми порциями строительного материала, и когда птенцы проснулись, и вернулась мама – воробиха, рядом со старым гнездом красовалось белое сооружение из макарон. Сыночек – воробей сразу же захотел в него перебраться. Очень осторожно, боясь упасть и разбиться, перешел он по ветке в свой новый дом и тут же принялся его расхваливать: и мягкий – то он, и теплый, и удобный, и просторный! Воробенок уговаривал своих сестричек перейти к нему, но те отказались. Зато взрослые воробьи с удовольствием поужинали вкусными палочками, и все улеглись спать .

Лесик заигрался во дворе, проголодался и вдруг вспомнил, что мама и папа, уходя в гости , оставили ему целую кастрюлю макарон. Он хотел съесть их сразу, но они были горячими, и он поставил кастрюльку за окно, чтобы быстрее их остудить. Да, времени прошло немало, теперь, похоже, все разогревать придется! Лесик побежал в дом, заглянул в кастрюльку – что такое? На дне лежат две макаронинки. Куда же остальные делись? Мышей в доме нет, Персик так их запугал, что все они ушли жить в заросли ивняка у пруда. Воробьям столько макарон в жизни не съесть.... На всякий случай Лесик вышел на крыльцо и поднял глаза на корявую березу. Ничего себе! Все макароны залезли наверх и свернулись там точной копией старого воробьиного гнезда. И оттуда торчит серая спинка птенца. Тут вернулись мама и папа, и настала их очередь удивляться. Так ничего и не поняв, мама сварила Лесику новую порцию макарон, и когда малыш поужинал, все легли спать.

А утром раздались истошные крики птенца, спавшего в макаронном гнезде. Что случилось с его прекрасным мягким домом? Почему он стал твердым – твердым, колючим и холодным? Почему к нему присохли и прилипли перья?

Родители с трудом отодрали сыночка от макаронного гнезда, сестрички подвинулись и дали братцу место рядом с собой. И воробенок больше уже не скандалил и не жаловался, а спокойно провел еще два дня в старом гнезде, а там уже и вылетел из него, потому что превратился во взрослую птицу.

Лесик, папа и мама долго еще показывали всем знакомым странное сооружение на березе, и никто не мог догадаться, как и почему макароны оказались на дереве.

РЫБА

В один жаркий день мама, папа и Лесик пошли на речку купаться. Персик с ними не пошел: от жары он забрался под дом и на все уговоры вылезти и прогуляться только слабо шевелил лапами. Встать на эти лапы и вылезти на солнце у него не было никакого желания. Он тоненько поскулил, приглашая к себе в тенек всю семью, но никто под дом не полез, а, наоборот, все пошли от дома. Персик все же сделал отчаянное усилие, поднялся, прошел несколько шагов и с ужасом понял, что если он и дальше будет так брести, то потеряет свой язык. От жары язык высунулся так далеко, что чуть не доставал до земли. Потерять язык было жалко, и Персик снова рухнул на бок.

А папа, мама, и Лесик дошли до речки, и, как только вступили в прохладную воду, солнце сразу перестало казаться таким обжигающим, а воздух – тяжелым и душным. Все долго плавали, брызгались и плескались, а когда у Лесика зубы начали Часто -часто стучаться друг об друга, а сам он покрылся пупырышками, как огурец в огороде, мама сказала:

- Все! Хватит! Вылезай из воды, домой пора!

- Ну, мамочка! – заныл Лесик. – Еще немножко! Я тебе покажу, как я на спине научился плавать!

- Хорошо, - сказала мама. – Но сейчас все равно выходи, побудь на берегу. А когда согреешься и обсохнешь, покажешь мне свое искусство.

Все вышли и легли на большое синее полотенце греться и сохнуть. Лесик смотрел на спокойную ровную поверхность воды, и вдруг на ней образовалась крошечная вмятина, от которой побежали круги, рядом – еще одна, и чуть подальше – тоже...

-Смотрите! – закричал Лесик, - над речкой дождик идет, а на берегу – нет!

-Какой же ты у нас фантазер! - не поворачивая головы, сказала мама. А папа пригляделся и сразу все понял.

-Ах, вот ты о чем! Нет, это не дождь, это рыбки поднимаются к поверхности, и в том месте, где они задевают самый верхний слой воды, получаются круги, как от дождя.

И тут одна довольно крупная плоская рыбина выпрыгнула из воды, перевернулась в воздухе и шлепнулась обратно. Она была необыкновенно яркая и блестящая, как елочная игрушка. Лесик проследил жадными глазами каждое мгновение ее полета и спросил:

- Папа! А мы сможем поймать рыбу?

- Может быть.... Придем домой, смастерим удочки, и, как жара спадет, пойдем рыбачить.

- Ну, так пойдемте скорее, а то до вечера не успеем все сделать, - заволновался Лесик.

Про купание было тут же забыто, синее полотенце свернуто, и все зашагали к дому, но не напрямиком, а через заросли ивняка, где папа срезал два длинных и гибких ивовых прута. Дома, кроме лески и крючков, никаких приспособлений для ловли рыбы не нашлось, но папа не растерялся и смастерил поплавки из кусочков пробки, а грузила – из толстых железных гаек. Когда жара немного спала, из-под дома вылез Персик. Язык его вываливался из пасти только наполовину, и он уже не боялся его потерять. Персик помог Лесику накопать червяков, и можно было идти рыбачить.

Рыбы в реке было полным-полно. В основном, это была серебристая плотва, хотя попадались карпы, окуни, широкие плоские лещи, сомы и щуки. Рыбы ловили мух и комаров с поверхности воды, охотились за водомерками, а хищные рыбы - сом и щука –

за другими рыбами. Пищи в речке было достаточно, поэтому никто не голодал. Кроме одного леща. Этот лещ был слишком разборчив в еде. Он не хотел, как карпы, выбирать рачков из грязного ила на дне, или, как окуни, подстергать, когда поверхности воды коснется неосторожный комар. Лещ ждал для себя какой – то необыкновенной еды. А так как в речке ничего необыкновенного не было, он все время выскакивал из воды, высматривая это необыкновенное в воздухе и на берегу.

Когда сегодня днем лещ в очередной раз выпрыгнул на поверхность, он увидел на берегу трех человек и успел поймать восхищенный взгляд Лесика. Бултыхнувшись обратно, лещ тут же принялся рассказывать первому встречному окуню, как он понравился маленькому человечку.

-Мальчик смотрел на меня так, что я уверен – не раз он еще придет на меня полюбоваться, а, может, даже принесет мне чего-нибудь вкусненькое.

Окунь не очень – то поверил в рассказы леща, но к вечеру люди снова пришли к речке.

Правда, теперь их было только двое, зато к ним присоединился белый щенок. С собой люди принесли ведро, две палки и красивую блестящую банку. Лещ, как только увидел эту банку, сразу почувствовал, что из этой красивой посуды его будут кормить.

А папа тем временем размотал удочки и для пробы забросил в воду одну из них. Как же ему не повезло! Во-первых, крючок сразу же зацепился за корягу на дне. Во-вторых, пока папа дергал за удилище, отвязался и уплыл по течению самодельный поплавок из пробки. И, наконец, леска оборвалась, и крючок с грузилом – гайкой остался лежать на дне реки. Осталась в руках у папы только палка с кусочком лески. Такой удочкой никакую рыбу не поймает. Расстроился папа, позвал Персика и пошел домой новую удочку мастерить. А любопытный лещ, время от времени выскакивал из воды и докладывал другим рыбам о том, что делает мальчик:

- Вот сейчас маленький человек открыл банку и вынул из нее прекрасного длинного червяка, такого, какие у нас не водятся. При этом он так внимательно посмотрел на меня, когда я подпрыгнул, что у меня никаких сомнений не осталось – червяк точно предназначен для меня.

Подпрыгнув еще раз, лещ продолжил:

- Я теперь знаю, почему этот маленький человечек не бросил мне червяка сразу. Он видит, что рыба я культурная, и принес мне столовый прибор. Он прекрасно понимает, что ни ложка, ни вилка для червяка не подходят, и будет кормить меня с очень красивой блестящей закорючки, которая привязана к длинной палке. Ведь не буду же я подплывать самому берегу даже из-за самой лучшей еды!

И вот Лесик насадил червяка на крючок и забросил его в воду. Раздался всплеск, и все рыбы бросились в разные стороны. Один только лещ важно подплыл к червяку, осмотрел его со всех сторон и удивился, почему же червяк не падает на дно? Подняв вверх глаза, лещ заметил поплавок и восхитился умом и догадливостью маленького рыбака:

- Ну надо же, как он все предусмотрел! Как чувствует, что ни за что на свете не возьму я самую распрекрасную еду с грязного ила на дне!

В это время вокруг висящего в воде червяка стали собираться остальные рыбы. Они не могли отрицать, что червяк выглядит действительно аппетитно, но все же не решались его пробовать и лещу не советовали. Но лещ не стал слушать советов своих друзей и откусил большущий кусок:

-Ммм! Как вкусно! – лещ закатил глаза, пережевывая червяка.

Действительно, для него это было так же вкусно, как для ребенка конфета “Чупа- чупс”, и, как оказалось дальше, так же бесполезно.

Лещ жадно схватил остаток червяка, конечно, зацепился за крючок, поплавок несколько раз подпрыгнул и вдруг резко ушел под воду. Лесик изо всех сил потянул удочку на себя, и его добыча оказалась на берегу. Это была довольно крупная и сильная рыба, и она попыталась ускакать от мальчика обратно в воду, но Лесик не растерялся, упал на нее животом и прижал к земле. А тут подоспел папа, и помог сыну справиться с добычей. Потом Лесик с папой стали рыбачить вместе и сидели на речке долго-долго, до самых сумерек, но так больше ничего не поймали, потому что остальные рыбы, видя, как глупо попался лещ, даже близко к крючкам не подплывали.

На ужин у Лесика была жареная рыба, он поделился и с мамой и с папой, а Персику достался вкусный хрустящий хвостик.

ХЛЕБ

С утра Лесик снова просился на речку, ловить рыбу ему очень понравилось. Мама и папа были заняты в огороде, и все обещали “позже” да “позже”. Но потом сжалились над сыном и разрешили сходить одному, но чтобы в воду “только по колено”.

Лесик взял удочку, позвал Персика, и они зашагали вдоль пшеничных полей по мягкой от пыли дороге. Персику дорога скоро надоела, и он носился среди зеленых колосьев. Щенка совсем было не видно, только там, где он свернул с дороги, остался коридор из поломанных колосков. Лесик по полю не носился, но и по дороге идти было очень интересно: если длинной гибкой удочкой резко стегнуть по колосьям, стебель-соломина переламывался, колосок опускался вниз и за мальчиком оставался след еще более красивый, чем за собакой.

Из-за поворота навстречу Лесику вышел высокий красивый старик с роскошными седыми усами. Вышел – и остолбенел. Глаза у него стали круглыми и испуганными, и даже загар на лице как – будто побледнел.

- Здравствуйте, дедушка, что это с Вами? Вам плохо? Вам помочь? – забеспокоился Лесик.

На взволнованный голос маленького хозяина из пшеницы выкатился на дорогу Персик, оставив за собой длинный коридор. Увидев Персика, старик побледнел еще больше, видно было, что он сильно напуган, хотя чего здесь пугаться – подумаешь, маленький белый щенок! Не лает, не рычит, прыгает вокруг и хвостом виляет. - Ох, мальчик, что же ты наделал со своей собакой! – выговорил, наконец, старик, даже забыв поздороваться.

Лесик забеспокоился. По тону старика он сразу понял, что в чем – то провинился. Но что он мог сделать в чистом поле, на пустой дороге? Пролить что-то на скатерть или пол, разбросать игрушки, разбить чашку – все эти плохие поступки можно совершить только дома, здесь их и совершать- то не из чего.

- Что Вы, дедушка, мы с Персиком ничего плохого не сделали, - тревожно сказал Лесик.

- А разве хорошо, что собака оставила в пшенице такой след? – строго спросил старик.

Лесик сразу оживился:

- Конечно, хорошо, дедушка! – глаза его заблестели. – Я теперь, как настоящий индеец, смогу пойти по следу и узнать, где была моя собака.

- Эх, вы! – старик горестно махнул рукой. - Понимаешь, каждый колосок – это все равно, что мой ребенок.

Лесик покрутил головой. Странно, детей, кроме него здесь не было, колосья на ребяташек совсем не похожи. Может, старик перегрелся на солнце, и у него что – то с головой случилось?

- Не понимаю я Вас, дедушка, - огорчился Лесик. - Объясните толком, что мы с Персиком натворили? При чем здесь дети какие-то?

- Объясню, объясню. Пройдем только до тех камней, старый я уже, стоять мне на таком солнцепеке тяжело. Да пока идем, удочкой-то своей не размахивай, и собаку рядом с собой держи.

Старик дошел до большого камня, сел на него, Лесик пристроился рядом, а хитрый Персик обошел камень и растянулся на земле в тенечке. Старик начал свой рассказ:

- Я хлебороб, человек, который хлеб растит. Каждую весну я засеваю оба этих поля зерном.

- Неужели один? - ужаснулся Лесик. Он ведь уже знал, как трудно посеять ровно семена даже на одну небольшую грядку, а тут поля – края не видать.

- И один, и не один. Помощники у меня есть – машины. Но все равно, каждое зернышко, прежде чем в землю упасть, успевает увидеть человека, который его сажает. И этот человек для него, все равно, как отец. А сею я рожь и пшеницу столько лет, что научился понимать каждый колосок и каждое зернышко. Вот ты знаешь, что они живые, потому что растут, как человек. А я еще знаю, что они, как люди, и разговаривают между собой, и мечтают. Вот ты, мальчик, о чем мечтаешь?

- Я хочу вырасти поскорее и стать, как папа. И еще я хочу, чтобы мне на новый год велосипед подарили.

- Ну, о велосипеде мои дети не думают, а вот вырасти и стать похожими на меня хотят. А что во мне самое заметное? Правильно, усы. И вот каждое гладкое и круглое зернышко, увидев меня, думает, что самое главное для него – обзавестись пышными усами, тогда – то оно и станет взрослым. И бриться никогда – никогда не будет. И еще зерна мечтают превратиться в теплый хлеб.

Попав во влажную землю, зерно пускает тонкий корешок, и через несколько дней поле покрывается зелеными острыми ростками. Ростки внимательно осматривают друг друга: “Мы уже большие? Уже выросли? Тогда где же наши усы?” А никаких усов и нет. Ростки поднимаются все выше и выше, и вот уже разворачиваются первые длинные и нежные листья, до этого туго свернутые вокруг стебля.

- Ах, похоже, это наши усы, - восхищаются друг другом и сами собой ростки. Значит, мы уже совсем большие – радуются, как дети.

Но проходит время, и стремительно поднимающиеся вверх колосья украшаются зеленым колоском, в котором плотно прижимаются друг к другу молодые зерна. Каждое зернышко обернуто в тонкую пленочку, которая кончается настоящим острым коротким усиком.

- Ах, вот они, настоящие усы! А мы – то за них листья принимали. Это потому, что маленькими были и не понимали многого. Ну, ничего! Зато теперь мы сами с усами, так что пора и урожай убирать.

Но никто не приходит убирать урожай еще долго – долго. А время идет, колос все тянется вверх, тонкая пленочка на зерне превращается в крепкую прочную оболочку, а нежные усики – в жесткие, пышные, густые усы, которые постепенно желтеют и седеют, и становятся точь – в – точь, как у меня. Вот тогда – то я и прихожу убирать урожай. Ох, как трудно мне каждый раз объяснять своим детям, что для того, чтобы они смогли превратиться в хлеб, им необходимо расстаться со своим главным украшением и побриться!

Но тут у меня есть в запасе одна хитрость, которая всегда срабатывает. Я говорю: "Пожалуйста, не брейтесь. Но знайте, что есть хлеб с вашими колючими и жесткими усами никто никогда не захочет". На это моим питомцам возразить нечего, и они соглашаются стать снова круглым и гладким зерном.

Понял ты, мальчик, зачем я тебе все это рассказал? – спросил старик, поднимаясь с камня.

- Понял, - ответил Лесик, пряча за спину удочку. – Я Персику теперь не разрешу по полям бегать. А в индейцев мы и на лугу сможем играть. Трава ведь не ломается, как рожь или пшеница. След искать, конечно, труднее будет, но это и интереснее.

Попрощавшись со стариком, Лесик с Персиком пошли к речке по дороге, покрытой мягкой пылью, не портя колоски, которые мечтали об усах.

ТВОРОГ

Недолго пробыли Лесик и Персик на речке. Лесик еще и удочку не успел размотать, как маленькие легкие облачка, изредка закрывавшие солнце, вдруг начали стремительно расти, как будто кто – то их надувал изнутри, и скоро им стало в небе тесно, они полезли друг на друга, закрывая последние просветы неба. Сразу стало темно и неудобно, и Лесик с Персиком помчались домой. На полпути их встретила мама с дождевыми накидками в руках. Но накидки не понадобились: дождь как будто ждал, когда все успеют войти в дом. Тут-то он и хлынул, словно пытаясь наверстать упущенное за все жаркие и сухие дни.

В такую погоду на улицу не пойдешь. Лесик сначала нарисовал несколько картинок – портреты папы и мамы, лягушку и зайца. Но, пока крепил их к стене, немножко перепутал листки, и теперь сам не знал, кто где нарисован, хотя все равно было очень красиво. Потом он стал приставать к родителям, чтобы ему рассказали сказку. Мама рассказала ему две сказки, папа рассказал две сказки – и все, сказки кончились. Хотя Лесик с удовольствием бы послушал еще. Тогда Лесик упросил родителей поиграть с ним в фанты, только чтобы водил обязательно он. Игра в фанты – очень интересная, особенно если не водишь. Можно всех остальных игроков делать все, что тебе захочется: хоть петь, хоть плясать, хоть мяукать. Правила игры просты, а когда народу играет мало, можно все еще проще сделать.

И вот Лесик сложил в коробку из-под печенья мамины вещи: заколку и колечко, добавил папины : расческу и часы, зажмурил глаза, все в коробке как следует перемешал и вытащил обратно часы. Папа уже приготовился кукарекать, или кидать Лесика к потолку, или прыгать на одной ножке, а хитрый Лесик, нахмутив брови и помолчав, как будто ему трудно сразу придумать задание, говорит: "Пусть этот фант расскажет сказку!"

Папа рассмеялся:

- Ну, ты и хитрец! Ну что ж, игра есть игра. Слушай. Сказка про репку.

- Нет-нет. Этот фант должен рассказать такую сказку, которую я еще не слышал.

- Но ведь я же тебе помногу раз рассказывал все сказки, какие знаю. Откуда же я возьму новую? – удивился папа.

- А ты придумай!

- Ладно, попробую,

А папа задумался. Мама тоже задумалась, потому что чувствовала, что и ее фантазу выпадет такое же задание, и решила подготовиться заранее.

А папа уже начал рассказывать: Ну, слушай! Сказка про снежного барса. Все дикие кошки – пумы, Львы, тигры и леопарды живут в лесах и ли на равнинах, там, где водится много дичи. И только снежный барс сделал своим дом вершины высоких гор, где жить голодно, холодно и опасно. Не всегда было так. Когда – то барс тоже жил в долине, рядом с тибетской деревней, и ему и в голову не приходило карабкаться на высокие горы, вершины которых терялись в облаках. Поскольку барс никогда долину не покидал, он никогда не видел снега и не знал, что самые высокие места в горах покрыты вечным льдом, он просто не любил смотреть на горные вершины, потому что лед сверкал и искрился так, что у барса начинали болеть глаза.

Барс причинял много беспокойства жителям деревни. Хотя вокруг было много диких животных – яки, куланы, антилопы – барс ленился охотиться на них. Антилопы и куланы были быстрыми, как ветер, и барсу приходилось тратить много времени и сил, чтобы поймать их. А к огромным могучим якам барс боялся даже приблизиться, потому что у них были страшные рога и копыта. Поэтому барс воровал у жителей деревни домашних коз. Козы были главным богатством деревенских жителей. Из их шерсти люди делали теплую одежду, их мясом питались, а, самое главное, из их молока изготавливали вкусный белоснежный творог. Каждое утро женщины доили коз, давали молоку скиснуть, отжимали его – и к обеду на столе в каждой хижине стояла миска с творогом. Все жители деревни любили этот вкусный и полезный продукт: от него зубы даже у стариков были белыми и здоровыми, а кости – крепкими.

Барс боялся людей и убивал коз на самых дальних пастбищах. Люди заметили это, и стали пасти коз у самой деревни. Но барс уже не мог отказаться от легкой добычи, осмелел и принялся убивать скот прямо около домов.

Тогда. Чтобы спасти своих козочек, люди построили для них загоны из высоких и крепких жердей. Барс ходил вокруг загонов, облизывался, но добраться до добычи уже не мог. Но осмелел он к этому времени настолько, что решился в поисках пищи забраться в дом Хозяев не было, они как раз в этот момент стригли в загоне овец. Барс обошел хижину, запрыгнул на стол и увидел большую миску творога.

-Ага, вот и обед для меня - подумал барс, быстро съел весь творог, оближал миску, соскочил со стола и был таков. И так ему понравилась новая еда, что он стал ежедневно обходить все дома в деревне и съесть весь приготовленный жителями деревни творог.

Бедные люди остались без своей любимой еды. От этого кости у них стали хрупким, они часто ломали руки и ноги, а зубы у них стали болеть и портиться. Люди стали прятать творог в разные укромные уголки, но барс только смеялся над этим – ведь у него был прекрасный нюх, и запах творога он чувствовал, даже не заходя в дом.

Долго жители деревни думали, как им уберечь свой творог от прожорливой дикой кошки, так ничего не придумали и пошли за советом к самому хитрому и умному зверю долины – старой мудрой лисице. Лисица внимательно выслушала их жалобу и сказала:” Я могу сделать так, что барс навсегда уйдет не только из деревни, но и из долины, ваши козы смогут покинуть загоны и снова пастись на далеких пастбищах, где много сочной травы, но вы должны точно следовать моему совету. Перестаньте совсем делать творог. Ведь сейчас вам все равно ничего не достается. Надо выждать всего несколько дней, и все будет так, как я вам пообещала”.

На следующий день барс, как обычно, пришел в деревню за творогом. Он незаметно, как тень, обошел все дома, но нигде не учуял знакомого запаха. Барс решил, что у него

просто пропал нюх. Он не поленился залезть в каждый дом и внимательно осмотрел все укромные уголки, куда жители деревни обычно прятали от него творог. Нигде ничего! То же самое повторилось и на следующий день. И еще через день. Творог исчез. А барс настолько привык к его кисловатому вкусу, что уже и вспоминать не хотел, как когда-то ел другую пищу.

Он не стал долго ломать себе голову над тем, что произошло, а сразу направился к мудрой лисице за советом. Но лисица обманула барса. Она сказала ему: "В этой деревне больше никогда не будут делать творог. До других деревень, которые очень далеко, ты, такой голодный и ослабевший, навряд ли дойдешь. Но взгляни туда, на вершины гор. Как ты думаешь, почему они такие белые? Тебе давно следовало догадаться, что они полностью покрыты вкусным нежным творогом. Если ты доберешься туда, у тебя уже никогда не будет проблем с едой".

Барс, едва дослушав лисицу, огромными прыжками помчался к горам. Он бежал целый день, чтобы достичь их подножия, а потом несколько дней карабкался вверх. Чем ближе был он к белому сиянию, тем меньше попадалось ему других животных и тем труднее становился путь. Но барс лез все выше и выше и мечтал о том, как он один будет владеть этими творожными полями, и как за это люди дадут ему новое имя: "творожный барс". Твердя про себя свое новое имя, которое ему очень нравилось, барс добрался до тех мест в горах, где черные скалы и скудные зеленые острова травы встречаются с вечным белым покровом. Только это был совсем не творог, а никогда не тающий снег и лед. Барс был ужасно разочарован. Вернуться в долину он уже не мог, потому что все знают: залезть наверх всегда легче, чем спуститься, а тут была такая высота. Поэтому он остался жить на холодных, покрытых снегом скалах, и люди дали ему новое имя - снежный барс, хотя оно совсем барсу не нравилось.

Жители деревни снова стали делать и есть творог, и их зубы и кости снова стали прочными и здоровыми. Козы опять паслись на далеких пастбищах с сочной травой, не опасаясь, что их съедят.

А в благодарность за то, что лисица избавила деревню от вредного барса, люди стали каждый день приносить ей миску с творогом.

МЯСО

Папина сказка закончилась. А Лесик уже снова сунул руку в коробку из-под печенья и достал оттуда мамино колечко. Мама, конечно, знала заранее, что и ей выпадет такое же задание, как и папе, и все время, пока Лесик слушал папину сказку, пыталась сочинить что-то необыкновенное. Но так как она невольно прислушивалась к папе, ничего необыкновенного у нее не получилось. И даже главный герой у нее оказался из семейства кошачьих.

- А этот фант, - начал Лесик...

- Тоже сейчас сказку рассказывать будет. И все остальные фанты – тоже, - рассмеялась мама.

- Как ты догадалась? – удивился Лесик. Правильно. Начинай!

И мама начала.

В жаркой Африке под огромным баобабом жила свирепая львица со своим львенком Наутом. Львица была свирепой со всеми, кроме своего львенка. С ним она была нежной и ласковой. Она разрешала Науту кусать себя за хвост, ловить лапами свои усы и теревить уши. Львица очень хотела, чтобы ее Наут поскорее вырос, поэтому она каждый день ходила на охоту, свирепо убивала зебр и антилоп и приносила львенку самые лучшие куски свежего мяса.

Но однажды львица не вернулась с охоты. Ее поймали охотники и увезли в зоопарк далекого северного города. Бедный Наут ничего об этом не знал. Сначала он терпеливо ждал маму, потом начал жалобно скулить, а потом решил пойти на ее розыски. Он очень проголодался и надеялся, что сможет по дороге свирепо поймать и убить какого-нибудь зверя. Но это был очень маленький львенок, а все животные, которые попадались ему навстречу, были очень большими. Львенок пугался, когда рядом с ним проходил буйвол, или Зебра, или антилопа. Он изо всех сил прижимался к земле, чтобы его не заметили, и сам себе говорил:

- Я ничего и никого не боюсь! Я мог бы, конечно, прямо сейчас прыгнуть на этого огромного зверя и свирепо загрызть его. Но столько мяса мне просто не нужно, да и есть уже что-то не хочется.

А у самого так и урчало в животе от голода.

Но вот он заметил маленького детеныша антилопы. Детеныш размером был чуть поменьше львенка. Он мирно щипал травку, не замечая ужасной опасности. Наут свирепо приготовился к прыжку, но тут вдруг рядом с детенышем появилась антилопа-мама. Она показалась львенку такой огромной и страшной, что он даже закрыл глаза от страха. Последнее, что он увидел, это острые копыта прямо перед своим носом. А потом раздался тихий и нежный голос:

- Львенок! Ты ведь не собирался напасть на моего детеныша?

Наут, решившийся, наконец, открыть глаза, увидел, что антилопа внимательно рассматривает его и выглядит вполне дружелюбной.

Львенку стало стыдно, и он первый раз в жизни сказал неправду:

- Нет, что Вы! Я просто так шел, шел, увидел это чудо на тонких ножках и решил с ним немножко поиграть.

И оттого, что он сказал неправду, Науту стало совсем худо, он отвернулся и медленно поплелся прочь.

- Постой! – сказала антилопа. – А куда это ты просто так «шел, шел» совсем один? Где ты живешь? Где твоя мама?

Тут несчастный львенок расплакался и рассказал доброй антилопе про свой дом у баобаба, про свирепую львицу, которая каждый день приносила ему мясо и про то, что сегодня она и вернулась с охоты.

- Вот я и пошел ее искать, – закончил Наут. – А еще, – он всхлипнул, – я просто умираю от голода. Моя мама мне говорила, что если хочешь вырасти, надо обязательно есть мясо.

- Ах, какие глупости! – рассмеялась антилопа. – Я тебе с удовольствием помогу. Правда, твою свирепую маму я искать не буду, но проблему с питанием решу легко – смотри, сколько здесь сочной, зеленой травы! Мой детеныш Кло растет, как на дрожжах, а все потому, что ест траву. Думаю, тебе она тоже прекрасно подойдет.

Кло на тонких ножках тотчас подбежал к Науту и стал ему показывать, как надо щипать траву. При этом у него была такая довольная мордочка, что голодный львенок тоже решил попробовать. К тому же, ему не хотелось обижать отказом участливую

антилопу и ее услужливого сына. Наут нагнул мордочку к земле, ухватил пучок травы и стал ее пережевывать. Но как не хотел он порадовать своих новых знакомых, сдержать отвращения не смог и с отвращением выплюнул зеленую кашу.

- Ох, извините меня, пожалуйста, - грустно сказал он, – есть совершенно невозможно!

Антилопа задумалась. Вероятно, львям действительно нужно только мясо. И Наут без него не вырастет. Беззащитный львиный малыш ей нравился, и про себя антилопа решила, что примет его в свою семью. Теперь она не могла допустить, чтобы он умер от голода.

- Пойдем с нами в деревню, - сказала антилопа, - я знаю там одну очень добрую женщину. Она никогда не обижает животных, а нам, антилопам, часто выносит душистое сено. Может, она поможет? Во всяком случае, другого выхода у нас нет.

И странная компания пошла в африканскую деревню. На окраине стояла небольшая хижина. Когда антилопа, Кло и Наут подошли к ней, дверь открылась, и на пороге появилась приветливая женщина с охалкой сена в руках. Она положила сено перед антилопой и Кло и тут заметила рядом с ними крошечного львенка, который смотрел на нее голодными глазами.

- Вот чудеса-то! – воскликнула женщина, - Я никогда не слышала, что антилопы могут воспитывать львят! Но, значит могут. А вот чего не могут – так это добыть им настоящую львиную еду. Что же, придется помочь.

Женщина скрылась в хижине, а когда появилась, в руках у нее была миска с чем-то, пахнувшим так вкусно, что Наут не выдержал, подбежал к женщине и стал тереться об ее ноги, громко и жалобно пищать. Едва миска с жареным мясом оказалась на земле, львенок приступил к еде. Вкусно было, как никогда в жизни!

Скоро все в деревне знали, что антилопа воспитывает необычного детеныша, и по очереди подкармливали Наута жареным и вареным мясом. Львенок рос быстро и скоро превратился в сильного и красивого льва. Но он не стал свирепым и кровожадным, как его мама, а походил характером на кроткую антилопу – ведь ему не надо было, как другим львам, убивать животных. Наоборот, справедливый и добрый Наут всегда был готов защитить слабого. Лучшими его друзьями навсегда остались Кло и антилопа, а жители деревни всегда чувствовали себя в безопасности, потому что никто не смел обижать людей, друживших с таким могучим зверем.

МОЛОКО

Мама замолчала.

- Это все? – спросил Лесик, - сказка кончилась?

- Кончилась, кончилась, - ответила мама, - и игра тоже кончилась. Посмотри-ка в окно.

Лесик посмотрел и увидел, что дождь прошел, в небе сияет солнце, и можно снова идти на улицу. Тем более, что мама уже взяла синий бидон, и, значит, сегодня они опять пойдут к соседке – бабушке Майе – за молоком. Лесик сначала, когда только приехал на дачу, молоко не любил. И когда сын с мамой приходили к старушке, та еще с порога спрашивала маму:

- Ну что, опять не пил?

- Не пил, - грустно вздыхала мама, - даже не пробовал.

- Ну, как же так? – удивлялась старушка и начинала хитрить.

- Знаешь, Лесик, несчастье – то какое! Не уследила я сегодня за коровой, и забралась моя Маруся в огород. Все мои красные пионы съела. Обязательно тебе сегодня надо молочка попить, тогда щечки у тебя станут, как яблочки. А вчера Маруся целый день на поляне с колокольчиками паслась, думаю, синева из молока еще не выветрилась, так что если выпьешь хоть глоток, глазки твои станут синими-синими.

- А вот и нет, бабушка! – начинал пугать ее Лесик. Если я попью такого молочка, глазки у меня станут красными, как у вампира, щечки – синими, а от травы, которую Маруся каждый день ест, я стану зеленым, как инопланетянин, и улечу куда –нибудь, где не заставляют пить молоко.

Бабушка Майя качала головой, брала у мамы синий бидон и шла в хлев доить Марусю. Если злого щипачего бабушкиного гуся не было дома, Лесик шел с ней. Корову доить ему не разрешали, но он мог смотреть, как это делает бабушка Майя и играть с телятком Лютиком. Лютик был совсем маленьким рыжим бычком и острых, как у Маруси, рогов у него еще не было. На его голове просто проступали под бархатистой шкуркой два твердых бугорка, которыми он любил толкать Лесика в ладонь, если мальчик протягивал ему руку. Когда мальчик приносил телятку горсточку соли, Лютик даже бодаться забывал – Быстро съедал соль, а потом долго лизал пустую ладошку теплым шершавым языком, и от этого было щекотно и приятно. Иногда бабушка разрешала Лесику поводить телятца на веревке по участку, – и Лютик шел за мальчиком, как большая послушная собака. Все было бы хорошо, если бы бабушка Майя каждый раз не заводила разговор о том, что Лесику обязательно надо молоко пить. Терпел-терпел Лесик, и однажды не вытерпел:

-Очень плохо, бабушка, что у тебя корова есть. Вот если бы не было, не приставала бы ты ко мне со своим молоком!

Обиделась, конечно, бабушка, но виду не подала. А на следующий день, когда мама и Лесик пришли к ней с синим бидоном, на крыльцо не вышла. Мама постучала в дверь, а бабушка Майя из-за двери неприветливо спрашивает:

- Ну, кто там еще пришел?

- Бабушка Майя, это я с мамой пришел, говорит Лесик, - Вы забыли, наверное, мы же всегда в это время приходим.

- А зачем пришли? – опять из-за двери спрашивает старушка. А голос у нее такой странный, неласковый.

- Да за молоком же!

Тут бабушка все же вышла на крыльцо, строго посмотрела на Лесика и говорит:

- А зачем тебе молоко? Ты все равно его не пьешь. Да и нет у меня никакого молока, и коровы тоже нет. Услышала вчера Маруся, что ты из-за нее несчастный такой, да и ушла от меня к соседям жить.

- Ой, бабушка, а как же Лютик?

- А что Лютик? Куда он без мамы? Лютик тоже ушел.

- Но гусь-то хоть остался?

- Остался. Только дома его сейчас нет. Повадились какие-то клоуны его, что ни день, забирать. Чего они с ним делают, не знаю. Возвращают исправно, да только какого-то грязного.

Ничего Лесик про клоунов не понял, а вот про то, как вернуть корову, задумался. Вспомнил, как папа учил его, что каждый человек должен сам отвечать за свои поступки, поднял глаза на бабушку Майю и сказал:

- Проводите меня, пожалуйста, к Вашим соседям. Я один виноват в том, что Маруся с Лютиком ушли. Обидел Марусю я, я и попробую уговорить ее вернуться.

Пошла бабушка с Лесиком к соседям, к которым сама специально корову с теленком отвела, попросила их присмотреть за животными и покормить их. А соседи, как их бабушка Майя научила, и слышать не хотят о том, чтобы корову отдать. Или отдают, но с условием - чтобы Лесик никогда больше к бабушке Майе не ходил и Марусю не расстраивал.

- Где это видано, - спрашивают, чтобы человек, корова то есть, старалась людям добро сделать, а ее бы за это ругали и вообще желали бы, чтобы она исчезла?

Еле-еле уговорил Лесик несговорчивых соседей разрешить ему повидаться с коровой. Подошел Мальчик к Лютику, обнял его за рыжую шею. Подошел к Марусе, погладил ее пятнистый бок и прошептал:

- Прости меня, Марусенька, не буду больше тебя обижать! Пошли домой, к бабушке Майе, молока мне дашь.

Маруся – то с Лютиком о бабушкиных хитростях ничего не знали и, хотя соседи хорошо за ними ухаживали и вкусно кормили, с радостью отправились домой, и снова Лютик, как огромный послушный пес, шел за Лесиком на веревке. У ворот дома процессию поджидал гусь, густо измазанный тиной, сквозь которую кое-где почему-то просвечивала золотая краска.

- Вот наказание – то! – всплеснула руками бабушка. – Все, не дам больше своего гуся никому! Пускай другого где хотят ищут! Повадились тут!

Лесик чувствовал себя настолько виноватым перед бабушкой, Лютиком и Марусей, что, как ему не интересно было узнать тайну гуся, спрашивать сейчас об этом он не решался.

- Бабушка, ты про корову – то совсем забыла, ее же доить пора!

- Точно. Пошла я. А ты со мной не ходи, сам знаешь, какой нрав у моего гуся.

Через несколько минут бабушка Майя вынесла маме и Лесику синий бидон, полный парного молока.

- А можно я прямо здесь попью? – спросил Лесик.

Заулыбалась старушка и отлила из бидона молока в неизвестно как появившийся в ее руках стакан. Лесик попробовал, – оказывается, вкусно. И чего он раньше капризничал! С этого дня проблем с молоком ни у Лесика, ни у его мамы не было. А когда Лесик вернулся в город, все было, как предсказывала бабушка Майя: щеки его были, как пионы, съеденные когда – то Марусей, а глаза цветом были похожи на колокольчики.

КАРТОШКА В МУНДИРЕ

Ближе к железной дороге дачи, по представлению Лесика, кончались, и начинался полу город. Дача ведь что такое – маленький деревянный домик, огород и сад, собаки, коровы, куры и гуси. А у железной дороги дома, как в город – каменные, огорода совсем нет, а уж животные! Собаки только редких пород, кошки только экзотические, и все до одной – обязательно победители выставок. Но и это еще не все. Лесик дружил с девочкой Анжеликой из этого полу города, так у нее была настоящая живая обезьянка Лунка, а в одном доме, в бассейне, говорят, жил крокодил. Все называли жителей каменных домов

новыми русскими, и непонятно, почему. Люди как люди, только воду пьют не из колодца, а из бутылок, и едят почти всегда из банок и вакуумных упаковок.

Однажды, когда Лесик с Анжеликой строили в песочнице дворец, девочка вдруг расплакалась.

- Что случилось? – спросил Лесик.

- Опять Янку, мою подружку, ее папаша в Дисней – лэнд везти собирается. Да не поможет это, сколько раз уж она там была! И сама Яна отсюда уезжать не хочет – тут и друзья у нее, и на речку ходить можно.

- А Яна, это кто?

- Да просто девочка, только не смеется она никогда. Даже не улыбается, её так и зовут - Яна-несмеяна. Ну, не умеет человек смеяться. А папа решил, что все равно ее научит. Сначала все по врачам водил, думал, может у нее болезнь такая особенная, но врачи никаких болезней не нашли. Тогда он стал ее за границу возить, в Дисней – лэнд. Без толку. Построил тогда он здесь дом, из цирка клоунов пригласил, и даже купил гиену, которая живет в клетке и смеется, как ненормальная. Пойдем к Янке в гости, сам увидишь, что там твориться!

- А можно? – спросил Лесик.

- Почему нет? – удивилась Анжелика, - Там всегда новому человеку рады. Янин папа считает, что когда у Яны будет очень много друзей, кто-нибудь обязательно придумает, как ее развеселить.

Когда Лесик и Анжелика через огромные ворота вошли во двор, Лесик и правда увидел настоящую гиену в летке, которая так заразительно хохотала, что мальчик тоже не смог удержаться от смеха. Но когда он поднял глаза, то в окне третьего этажа заметил худенькую девочку, смотревшую вниз полными слез огромными глазами. Смеяться Лесику тотчас расхотелось. Он уже открыл было рот, чтобы поздороваться с грустной девочкой, но тут прямо на него из резных дверей дома выкатились два клоуна, точь-в-точь, какие выступают в цирке: в широких штанах, огромных башмаках, с красными носами и рыжими волосами, торчавшими во все стороны. Длинный и худой клоун бежал впереди, а за ним, поливая его из игрушечного пистолета водой, семеня, смешно подпрыгивая, толстый коротышка. На ступеньках длинный нарочно споткнулся, скатился на траву и на четвереньках припустил за угол. Короткий бросился за ним, непрерывно нажимая на курок. Каждый раз, когда вода достигала цели, длинный подпрыгивал и визжал, а короткий кричал: «Ура»!

Девочка проводила клоунов печальным взглядом, грустно кивнула из окна Лесику и скрылась в доме.

А смешные клоуны, завернув за угол, тут же прекратили свои шуточки и заговорили серьезными приглушенными голосами:

- Ох, Макар, - говорил длинный, - контракт через три дня заканчивается, а девочку мы так и не заставили улыбнуться. Чувствую, уволит нас хозяин без премиальных!

- Да что там премиальные! – громко шептал короткий, - Я бы хоть год бесплатно работал, если бы знал, что будет толк. Яну мне очень жалко. Ладно, была бы, как Царевна-несмеяна, капризуля противная, а то хорошая ведь девчонка.

- Ну, Макар, давай еще раз попробуем сегодня с золотым гусем и Емелей на печке, а уж там будь, что будет. Не могу я ничего более смешного придумать. Ты сейчас к бабе Майе беги, упроси уж как-нибудь дать гуся в последний раз, а я пойду печку вывезу из гаража.

Коротышка Макар выкатился в ворота, а длинный скрылся за домом. Послышался скрип железных петель и тарактенье мотора, и через некоторое время показалась печка, которая, как в сказе сама ехала по гравийной дорожке, а на ней лежал, растягивая меха

гармони, настоящий Емеля. Но, когда печка приблизилась, Лесик пригляделся и увидел, что под печкой вращаются четыре колеса от машины, сама она сделана из досок и картона, а на гармошке играет все тот же длинный клоун. Просто он переоделся в красную рубашку и сапоги нормального размера, да волосы причесал.

- Вот, говорила я тебе, - на ухо Лесику зашептала Анжелика, хотя мотор тархтел так, что она могла говорить в полный голос, - Это еще не все, сейчас еще гуся принесут.

Печка успела несколько раз проехать туда-сюда перед домом, и, когда она не заслоняла входную дверь, Лесик мог видеть на крыльце Яну, которая явно собиралась подойти к детям, но не решалась перебежать дорогу странному сооружению.

Вдруг кто-то сзади тронул мальчика за плечо. Лесик обернулся и увидел толстенького Макара с гусем под мышкой. Гусь был кое-как, пятнами, испачкан в золотой краске, а по тому, как он злобно шипел и щипал Макара, Лесик сразу признал в нем гуся бабушки Майи.

- Жалость-то какая! – горячо зашептал Макар, - краски не хватило. Ну, ничего. Ты сказку про золотого гуся читал? Сейчас печка уедет, и пойдем: я впереди, ты за меня держись, а Анжелика сзади. Эх, жалко, народу сегодня маловато!

Печка еще немного поехала взад-вперед и укатилась за дом. Лесик схватился за рубашку клоуна, почувствовал, как Анжелика уцепилась за ремень на его шортах – и пошли. Клоун шел не просто так. Он неожиданно то подпрыгивал, то спотыкался, поэтому идущие сзади тоже спотыкались, подпрыгивали и дергались в разные стороны. Шли они напрямик к девочке с грустными глазами, и кому угодно эта процессия показалась бы смешной, но только ни ей.

- Дядя Макар, не мучайте гуся, пожалуйста, - тихо сказала Яна подошедшему клоуну.

- Здравствуй, мальчик, - обратилась она к Лесику, - Я рада, что ты пришел. А Анжелике просто кивнула головой.

Макар выронил из рук гуся, который, злобно шипя, побежал отмываться на пруд, и дети пошли в дом. На первом этаже в огромной комнате с камином был накрыт стол, уставленный едой, которой Лесик ни то, чтобы не пробовал, а и не видел-то никогда. За столом сидел Янин папа.

- Молодцы, детки, - загремел он низким басом, - как раз к обеду успели! Садитесь, кому чего положить?

Ничего знакомого из еды на столе не было, и Лесик подождал, пока Яна с Анжеликой не назвали выбранные ими блюда. Уловив слова «профитроли» и «артишоки», он попросил себе то же самое. Что кривить душой, было довольно вкусно, хотя и непривычно.

После обеда девочки поднялись наверх в Янину комнату играть в куклы, а Янин папа обратился к Лесику:

- Знаешь, наверное, какая у нас беда. Вот ты человек новый, может, по-новому на все помотришь и объяснишь, почему моя Яночка не улыбается и не смеется, как все дети? Чего ей не хватает?

А Лесик уже догадался, в чем дело и сказал:

- Ей всего хватает. Даже чересчур. Это, как щекотка – сначала, когда начинают щекотать, очень смешно, а когда все щекочат и щекочат, не смешно, а плохо становится. Здесь то же самое. В цирк ведь дети не каждый день ходят, поэтому там клоуны и кажутся смешными. А если они все время у тебя перед глазами вертеться будут – смеяться не захочешь.

- Так что же делать? – спросил папа.

- Я, конечно, точно не знаю, - признался Лесик, но мне кажется, для начала надо все эти «чересчур» убрать. Пусть будет дом, как дом, без клоунов, без гиен. И Дисней-ленд пусть

подождет. А пройдет какое-то время без смеховых излишеств, надо показать Яне какое-нибудь самое постое чудо, которого она еще никогда не видела.

- Что же это за чудо такое? – спросил папа.

- Да я и сам не знаю, - признался Лесик. – Ну, к примеру, видела Яна хоть раз, как картошка улыбается?

- Это навряд ли, - пробасил папа. Моя Яночка вообще никогда картошки не видела.

- Тогда сегодня же Вам надо гиену вернуть в зоопарк, клоунов в цирк, а дня через три пусть Анжелика проводит Яну ко мне..

И ровно через три дня Лесик с утра стоял у калитки, поджидая гостей. Когда Яна вошла во двор, ее огромные печальные глазки стали еще больше от удивления:

- Как здесь интересно! – сказала она – Ни дорожек из гравия и асфальта, ни гаража. Где же вы машину держите?

- А у нас нет машины, - сказал Лесик. Зато у нас растет картошка – видишь те зеленые кустики с белыми и фиолетовыми цветками?

- Ну, и зачем вы сажаете такие мелкие цветы? – спросила Яна. Ведь гладиолусы гораздо красивее.

- Картошку не из-за цветов сажают, - солидно пояснил Лесик. Это еда такая, и растет она под землей.

- Не может быть! – твердо сказала. Вся еда продается в магазине. И она упакована или в банки, или в целлофан.

- А вот и нет! – заявил мальчик, -сейчас сама увидишь.

Он позвал папу и попросил накопать его немного картошки. Яна с удивлением увидела, что на корнях у растений с невзрачными цветочками растут крупные продолговатые клубни. Леси сам вымыл их, тщательно оттирая землю большой розовой губкой. Потом он позвал маму, и она включила плитку, поставила на нее кастрюльку с водой и опустила в нее картошку. Для того, чтобы Яне – несмеяне было видно все, что происходит в кастрюльке, ей разрешили влезть с ногами на стул около плитки. И вот что увидела Яна. Из воды стали подниматься маленькие пузырьки, которые постепенно подрастали и подрастали, а когда они стали размером с картошку, у одной картофелины в кожуре прорезалась узенькая щель, стала шириться и расти и вдруг превратилась в улыбающийся рот. Яна даже глазам своим не поверила – еда, а улыбается! Но тут и вторая, и третья картофелины улыбнулись. Яна не удержалась и улыбнулась им в ответ. Первый раз в жизни! И, оказалось, это совсем легко.

Поев картошки в мундире, Лесик с Анжеликой пошли провожать Яну домой. И Яна (бывшая несмеяна) хохотала до слез, глядя, как Персик пытается поймать собственный хвост. Да мало ли на свете смешных вещей! Лягушка, выскочившая из-под ног, капля росы, в которой играет радуга и даже клоуны – конечно, если они не смешат тебя каждый день.

Когда перед папой появилась улыбающаяся Яна, он от удивления чуть не упал со стула, а, узнав, в чем дело, стал в честь этого – нечасто, чтобы не переборщить, заказывать на обед картошку в мундире.

ГРЕЧНЕВАЯ КАША.

- Здорово у тебя получилось с картошкой! – похвалила Лесика Анжелика. – Янка – то и раньше была мировой девчонкой, хотя и странной немного, а теперь, когда смеяться научилась, кажется, лучше подруги не найдешь! Только вот я, пожалуй, скоро сама улыбаться разучусь.

- Это еще почему? – спросил Лесик.

- От страха, - прошептала Анжелика, и ее нижняя губа задрожала.

- И чего же ты боишься?

- Приведения, - голос у Анжелики стал хриплым, а на глаза навернулись слезы.

- Да брось ты! – Лесик рассмеялся. Приведения только в сказках бывают, ну, еще в мультиках. Где ты видела живого призрака?

- У себя дома. Вот и ты тоже мне не веришь, и мама говорит, что я все выдумываю, лишь бы дома одной не оставаться. Неделю назад, когда мама в командировке была, я одна дома ночевала. Погода была ветреной, и от шума деревьев я проснулась среди ночи. Проснулась и увидела, как из шкафа выплыло большое темное облако. Оно зависло над полом недалеко от моей кровати и стало изменяться, отращивать себе руки, ноги, голову. Были бы дома взрослые, может, я бы и набралась мужества их позвать. А так – какая польза кричать в пустом доме? Приведение тем временем превратилось в сгорбленного старика с длинной бородой. Он смотрел на меня прозрачными туманными глазами и молча открывал и закрывал рот. Я так перепугалась, что залезла под одеяло с головой и лежала тихо-тихо, а потом, наверное, уснула, потому что когда вылезла из-под одеяла, был день, а привидение исчезло. Я рассказала маме про призрака, но она мне не поверила, а сегодня с утра опять уехала в командировку. Я, наверное, с ума сойду от страха, если этот прозрачный старик снова придет и уставится на меня.

- А давай я со своими поговорю! – предложил Лесик. – Переночуешь у нас, а утром – домой.

- Нельзя. Не было бы Лунки, пожалуйста! Но в чужом доме она и сама спать не будет, и другим не даст. Одну ее оставить - еще хуже: все перепортит, разобьет и разорвет. Так что придется мне этот ужас как-нибудь перетерпеть.

- Знаешь, Анжелика, я бы с тобой побыл, но меня родители на ночь ни за что одного не отпустят. Но вот папа у меня – мировой! Пошли, спросим у него, он обязательно что-нибудь придумает.

- А как твоего папу зовут?

- Анаксимандр Иванович. Его так бабушка с дедушкой назвали в честь одного древнего философа.

- Ничего себе имечко! Мне и не выговорить.

- Ну и не надо! Зови его дядя Аня. Очень удобно и запомнить легко: мама у меня – тетя Аня, а папа – дядя Аня!

Папа отнесся к рассказу Анжелики очень серьезно и твердо сказал:

- Я считаю, что маленьким девочкам ни в коем случае нельзя оставаться один на один даже с симпатичными привидениями, а уж со страшными – тем более. Ты, Анжелика, пока с Лункой у нас побудешь, а к вечеру я у мамы отпрошусь, и мы с сыном устроим ночное дежурство у коварного шкафа.

Вечером компания из трех человек и обезьянки направилась в сторону железной дороги. Все, кроме Лунки, старались вспомнить любую мелочь, известную им о повадках привидений. К сожалению (или к счастью), никто, кроме Анжелики никогда не имел с

ними дела, а почерпнутые из мультиков и ужасников сведения могли быть недостоверными.

Почти у ворот дома с привидениями компания услышала позади себя звонкий лай, и тут же в темноте вокруг них запрыгало белое пятно.

- Ну вот, самое главное забыли! Хорошо, Персик сам догадался с нами пойти, - Анжелика явно приободрилась. – Ведь считается, что животные очень чутко реагируют на разные странные вещи и чувствуют их гораздо тоньше, чем люди. Правда, к моей Лунке это явно не относится. В ночь, когда приходил призрак, она спала, как убитая.

Анжеликина спальня со страшным шкафом была на втором этаже. Решили, что девочку привлекать к дежурству не будут, пусть спокойно спит, а папа с Лесиком будут караулить привидение по очереди, сидя в кресле, стоящем у шкафа. Время несения караула определили в два часа, а свободный от дежурства мог поспать в соседней комнате на диване. Персик же должен был простоять на посту всю ночь.

Лесик с папой заспорили, кто будет дежурить первым. Анжелика предложила посчитаться, и папа торжественно произнес:

- Эне, бэне, раба!

Квинтер, финтер, жаба!

Он нажухляничал, начав считать с Лесика, ведь все знают, что если эту считалку начать не с себя, (когда играющих не больше трех), то водой обязательно станет считающий. Но папа уже закончил считалку, дежурить первым выпало ему, и Лесик подчинился правилам, пошел на диванчик и, не выключая света, прилег на самый краешек. Было всего десять часов, и Лесик решил, что спать не будет, а то вдруг привидение не появится в его дежурство? Увидеть приведение ему надо было обязательно, – с этой мыслью Лесик и заснул.

Во сне Лесик услышал тонкий высокий звук. Он мешал спать, и представлялся мальчику жужжанием комара над ухом. Лесик в полудреме замахал руками, отгоняя назойливое насекомое, но комар не улетал. Лесик постепенно выплывал из сна, и вдруг понял, что звук идет из соседней комнаты. Сна как не бывало.

Лесик вскочил с дивана, нащупывая босыми ногами на полу свои тапочки, и, неслышно ступая, приоткрыл дверь. В комнате было темно, только через неплотно задвинутые шторы пробивался луч луны. Ходики на стене показывали два часа. Значит, Лесик пропустил свое дежурство! Почему же папа не разбудил его? Глаза мальчика постепенно привыкали к темноте, и он увидел, что папа крепко спит в дежурном кресле, на кровати сидит Анжелика, испуганно прижимая к себе спящую Лунку, а тонкий непрерывный звук издает Персик. Вся шерсть на щенке стояла дыбом, и он непрерывно скулил, не отрывая глаз от шкафа. Лесик тихо подошел, сел на край кровати и взял дрожавшую от страха Анжелику за руку.

- Вот, начинается, - прошептала девочка. Дети настолько были напуганы и захвачены происходящим, что совсем забыли, что рядом с ними есть взрослый человек.

Сквозь стены шкафа проступило бесформенное темное пятно, которое после долгих колыханий приобрело форму старика. Туманный старик молча уставился на детей. Лесик не выдержал и спросил:

- Кто Вы такой? Что Вам нужно? Зачем Вы пугаете Анжелику?

Привидение издало протяжный вздох и, под аккомпанемент скулящего пса, ребята услышали его голос:

- Какое счастье, дети, что вы догадались заговорить первыми! Приведения могут только отвечать на вопросы, и самые главные вы задали. Я совсем не хочу вас пугать и, если вы выполните одну мою просьбу, навсегда исчезну. Когда я много-много веков назад был

человеком, я жил в Германии и служил оруженосцем у доблестного рыцаря, доброго и справедливого. Времена тогда были суровыми, часто случались войны, которые оставляли без еды целые деревни. Мой добросердечный хозяин, как мог, старался облегчить жизнь простых людей. Я часто сопровождал своего господина в самые дальние концы страны, где свирепствовал голод, и вместе с ним доставлял туда различную еду. Надо сказать, что мой хозяин и сам-то не был особенно богат, и мне было жалко видеть, как уменьшаются его запасы. Сам я всегда любил плотно поесть, а моим любимым блюдом была гречневая каша.

И вот однажды рыцарь снова стал собираться в поход. Он велел мне приготовить несколько мешков муки и гречневой крупы. Но когда я полез в наш огромный шкаф за продуктами, обнаружил, что там остался всего один мешок гречки. И так мне стало жалко его кому-то отдавать, что я соврал хозяину, сказал, что крупа закончилась. Мне не трудно было притвориться больным, и рыцарь отправился в поход без оруженосца. Я же решил один сварить и съесть всю гречку в отсутствие своего господина. Но, хотя я начинал утро с гречневой каши, и ею же заканчивал вечер, хозяин вернулся раньше, чем я опустошил весь мешок. Рыцарь узнал о моем мерзком поступке и страшно меня наказал – он запер меня в шкаф с продуктами и поклялся не выпускать до тех пор, пока я не съем все, что там хранилось. Мне так и не удалось до самой смерти доесть все припасы. Среди них не было гречки, а самой большой моей мечтой была мечта о тарелке гречневой каши. Мой дух остался в этом шкафу, шкаф много раз переходил из рук в руки, и я много раз появлялся перед людьми. Все меня боялись, и никто не осмеливался заговорить со мной.

Я надеюсь, что вы настолько же добры, насколько смелы. Если вам не трудно, пожалуйста, поставьте перед шкафом тарелочку гречневой каши, лучше, конечно, с маслом. Тогда я смогу, наконец, покинуть этот предмет мебели. По правде говоря, мне давно надоело там сидеть, да и тесновато к тому же – вон как я сгорбился.

С этими словами привидение снова приняло форму сгустка и исчезло в шкафу. Мгновенно прекратился и тонкий собачий вой.

Дети к концу рассказа уже настолько перестали бояться старика, что даже начали зевать, и сразу после того, как он пропал, улеглись спать.

Утром папа бодрым голосом закричал:

- Подъем, сони! Ночь прошла, привидения не было, так что будем считать, что в прошлый раз Анжелике приснился страшный сон.

- Нет – нет! – дети бросились к нему и стали, перебивая друг друга, рассказывать о ночных событиях.

- Да, похоже, я немного заснул и пропустил самое интересное, - смутился папа. – Ну, одевайтесь, пойдем к нам завтракать.

- Нет, дядя Аня, я останусь. Скоро мама придет, мне нужно ее дождаться, а потом забегу к вам, - сказала Анжелика.

К вечеру Анжелика прибежала довольная и запыхавшаяся:

- Съел! Съел! – закричала она на пороге. – Мама мне не поверила, но гречку сварила. Я и сама поела, и у шкафа тарелку поставила. Через час прихожу – тарелка пустая! Мама говорит, что кашу съела Лунка.

- Хорошо, что теперь все позади, - сказал дядя Аня. Но ты, Анжелика, попроси родителей, чтобы они больше не покупали антикварную мебель.

ФАСОЛЬ

День сегодня обещал быть жарким, и Локус с утра внимательно следил за Антошкой, – когда же он возьмет большое голубое полотенце с веселым дельфином? Это было любимое полотенце Локуса, потому что дельфин всегда ходил с ними на речку, хотя никогда не купался. Но Антошка, как назло, брал то скучное белое полотенце для рук, то легонькое полосатое – вытирать помытую после завтрака посуду. А потом вообще взял какую-то тряпочку и начал водить ей по столу. Эх, хороший у Локуса хозяин, только недогадливый! Ведь осень скоро, может, последний теплый денек выдался, когда можно поплавать вволю! Жди потом нового лета! Локус не отказался бы от купания и в дождь, и в холод, но Антошку в такую погоду на речку не вытащишь, хоть всего обмотай купальным полотенцем. Но сегодня рискнуть стоило. Локус подошел к полочке, где на крючках висели разные полотенца, встал на задние лапы и осторожно потянул зубами самое большое – с дельфином. Осторожно, потому что край полотенца украшали многочисленные дырочки – следы того, что когда-то пес слишком сильно дернул за ткань. Из-за каждой новой дырки хозяйка хмурилась и строго смотрела на собаку. Никто бы не считал это наказанием, но жизнерадостный Локус, любивший весь мир и желавший видеть вокруг себя одни улыбки, расстраивался ужасно. В этот раз пронесло. Полотенце легко соскользнуло с крючка, и пес понес его Антошке. И хотя рост у Локуса был ого-го, и голову он изо всех сил задирает, все же дельфиний хвост волочился по полу. Антошка подхватил полотенце, погладил Локуса:

- Ах, ты, мой умница! Конечно, такой денек пропустить нельзя!

От похвалы Локус прямо растаял. Он повалился на спину и задрогал лапами в воздухе, потом сделал вокруг Антошки несколько кругов, бешено размахивая хвостом и, наконец, запрыгал, делая вид, что сейчас отнимет полотенце и сам его понесет. Жулик смотрел на все эти неуместные проявления собачьего восторга без всякого одобрения. Один раз он поддавался искушению и составил компанию хозяину и другу. И что же? Все веселые и шумные приготовления закончились тем, что оба залезли в быструю холодную воду, которой было пугающе много и, как будто этого было недостаточно, еще и колотили по ней лапами, руками и хвостом. А Антошка иногда и вовсе под водой исчезал, заставляя бедного кота волноваться. Жулик бегал вдоль берега и жалобно мяукал. Один раз, когда Антошка не показывался особенно долго, кот, преодолев отвращение, сунул лапу в холодный поток, но тут же ее выдернул. Как же он обрадовался, когда Антошка, а за ним и Локус вылезли, наконец, из воды! Жулик ведь не зря чувствовал, что такое времяпрепровождение не может пойти на пользу – лохматый упитанный Локус после купания превратился в гладкую и довольно худую псину. Только Жулик подбежал к другу, чтобы утешить его и предостеречь о вреде коварной воды, как Локус резко мотнул головой, от чего по его телу пробежала длинная дрожь, и густой шерсти во все стороны полетел дождь. Жулику показалось, что на него вылилось полреки! Локус снова стал лохматым и толстым, зато и так не отличающийся крупными размерами кот стал похож то ли на совсем мелкого котенка, то ли на крупную мышь. Поэтому в этот раз, как только Антошка произнес: “Ну, все, Локус! Хватит дурачиться! Или идем, или нет!” - Жулик выскочил за дверь и притаился в кустах. С него хватит!

Но Антошка не сразу пошел на речку. Он решил зайти за другом. Только собрался толкнуть скрипучую калитку, как мама Лесика крикнула ему из-за забора:

- Антон, подожди! Вчера Лесик с папой и Персиком у Анжелики какое-то привидение ловили, вернулись – и сразу спать. Петушок их разбудит, ты уж, пожалуйста, подожди за калиткой!

Антошка сел на траву у забора и стал повторять гамму, которую разучивал зимой в музыкальной школе. Он сидел и потихонечку напевал: “До, ре, ми, фа, соль, ля, си”! А потом обратно: “Си, ля, соль, фа, ми, ре, до”! И не заметил, как подошла Яна.

- Антошка! Что это ты тут расселся? И что это за песня такая? Музыка хорошая, а слова какие-то непонятные. Это не по-русски?

- По-русски. И это не песня, а гамма. Я в городе в музыкальную школу хожу. Гамма – это семь нот. Одна нота – один звук, другая – другой. Это и голосом показать можно, и нарисовать. А Лесик еще спит, вот я и повторяю гамму потихоньку, чтобы не скучно было ждать.

- Вот здорово! – обрадовалась Яна, - я ведь тоже осенью в музыкальную школу пойду! Мне папа обещал пианино купить. Давай петь вместе!

- Давай! Только все ноты ты сразу не запомнишь, но мы будем петь просто: “А-а-а”!

И Антошка начал. Получалось у него, как будто эта “А” поднималась вверх по ровным ступенькам все уменьшаясь и уменьшаясь, а потом по ним же спускалась, становясь все больше и больше.

Яна тоже стала ему подпевать, и так у них здорово получалось, что оба вздрогнули от неожиданности, когда вдруг заскрипела калитка. Локусу пришлось замереть, чтобы нечаянно не наступить на белый шарик, запрыгавший вокруг него, только лохматый хвост, мелькавший за спиной, говорил о том, как он рад Персику.

- Ребята, что это вы тут устроили? – послышался сонный голос, и в калитке показалась голова Лесика. Голова несколько раз зевнула и продолжила – Я сплю, а Персик вдруг как завоет!

- Это он нам, наверное, подпевал! – похвасталась Яна. Мы с Антошкой гамму пели. Вот, послушай! “До, ре, ми, фа, соль”!

- Никогда про “до –ре-ми” не слышал, - сонно пробормотал Лесик. Про фасоль знаю, что это такое. Остальное тоже, наверное, едят?

- Нет, что ты! – запротестовал Антошка. – Пошли в дом, я тебе даже нарисовать фа и соль смогу.

- Фа, может, и нарисуешь, если она крупная, а соль просто невозможно!

Дома Антошка взял лист бумаги и карандаш, нарисовал пять длинных палочек и между ними два приплюснутых кружочка. Один оставил белым, а второй закрасил карандашом.

- Вот, смотри. Это нотная линейка. А это – фа и соль.

- Точно! Фасоль и есть. Она такая же, и цвет у нее тоже может быть и белым, и темно-красным. Просто у меня карандаша такого нет! Ох, и вкуснятина!

- Нет такой еды – фа-соль! – рассердилась Яна. – Если бы была, я бы знала!

- Ну, конечно! Ты даже про картошку знала! – ответил Лесик. Поверишь только тогда, когда попробуешь!

Антошка молчал. Он знал и про ноты фа и соль, и про фасоль, которую очень любил, но просто растерялся. Ему и в голову не приходило, что можно спутать две такие разные вещи. Не приходило в голову и как можно их распутать.

Назревающая ссора разбудила Лесикиного папу. Он, хоть и проспал привидение в Анжеликином доме, но утром лег вместе с сыном, все же сон в кровати и в кресле – вещи разные.

- Так, молодежь! Всем привет! О чем такой жаркий спор? – спросил папа.

- Лесик думает, что фа и соль есть надо, а не петь, - пожаловалась Яна, - наверно, не до конца проснулся.

- Яна фасоли никогда не пробовала, и Антошка, похоже, шутит, что ее петь надо. Говорит, это ноты, и рисует даже, а все равно получаются не ноты, а самая настоящая фасоль. И цвет тот же.

Антошка, знавший правду, чувствовал себя виноватым, потому что заставил спорить своих друзей.

- Все! Больше не спорим! – объявил папа, - Здесь нет ни правых, ни виноватых! Просто кому-то не хватает знаний и жизненного опыта, - и он посмотрел на Яну и Антошку.

Те сразу поняли, что именно им этих вещей не хватает, и смутились. Антошка же, наоборот расправил грудь и приосанился, осознав, что обладает и тем и другим.

- А кое-кому, - продолжил папа, - не хватает житейской мудрости, чтобы свои знания предать другим, - продолжил папа. Тут смутился Антошка, потому что теперь взгляд папы был направлен на него.

- Это все не страшно. И то, и другое, и третье обязательно появится. Приходи к нам завтра, Яночка, мы попросим маму, и она нам что-нибудь приготовит из съедобной фасоли. Ноты фа и соль тоже есть. Ты, Лесик, не сомневайся. И еще пять других. Нарисованными они и правда на фасоль похожи. А от того, каким цветом эти фасолинки нарисованы, зависит долгота их звучания. Это как бывают высокие или низкие ступеньки. Может, тебя тоже в музыкальную школу записать? Ну-ка, Антошка, пропой нам гамму, посмотрим, сможет ли Лесик ее повторить?

Антошка начал: “До, ре, ми”...

- Фа, соль, - подхватила Яна.

Со двора раздался тоскливый собачий вой.

-Ну, ладно, - засмеялся папа, - на сегодня занятий хватит. Пойдем купаться. А вот кого в музыкальную школу отдавать – Лесика или Персика, надо еще подумать.

ПШЕННАЯ КАША И ГРИБЫ

Захватив полотенца для себя, Яны и Лесика, папа первым направился к речке. Лесик упросил его взять еще пакетик с пшеном, чтобы подкормить птиц. Мама объясняла Лесику, что птицам помощь в основном зимой нужна, а летом им и так еды хватает. Воробьи и голуби, конечно, другое дело. Давно они уже от человека зависят, хотя домашними так и не стали. Но Лесик все же мечтал попытаться приучить к себе каких-нибудь полевых птиц. Проходя мимо пшеничных полей, ребята подняли такую пылищу, что она скрыла их по пояс. Хорошо, даже грязь здесь какая-то чистая, ее сполоснешь слегка водой, и никаких следов не остается. А в городе погулял немного, вроде изо всех

сил стараешься не запачкаться, руками ничего не трогаешь, а домой обязательно вернешься чумазым, и уж эта грязь ни за что без мыла не отстанет.

Собакам носиться по пшенице запретили, но они и не обижались. Пыльная доро-га вполне их устраивала. Локус остановился на самом мягком ее участке у обочины, шлепнулся в пыль спиной и задрыгал в воздухе лапами, изгибая позвоночник. На его добродушной морде появилось выражение неземного блаженства. Персику ужасно хотелось присоединиться к другу, но он помнил, как его ругали за грязную шерсть, и не решался. Но когда Локус стал от удовольствия даже похрюкивать, Персик не выдержал и шлепнулся рядом. Ох, как хорошо! Шлепок полотенцем или газетой – ерундовая плата за такое удовольствие! Накатавшись в пыли досыта, собаки отряхнулись, и вот чудо! Шерсть их совершенно не изменила свой первоначальный цвет!

Какое удовольствие окунуться в жаркий денек в прохладную чистую воду! Мальчики прыгнули в речку с разбега, за ними – Локус и Персик, а Яна маленькими шажками зашла по пояс и остановилась. Она умела плавать только с кругом, и потому сегодня ей светило не плавание, а дрызганье.

- Папа! А ты чего ждешь? – крикнул Лесик с середины реки.

- Знаешь, как-то вас сегодня очень уж много. Мало ли что! Вода есть вода. Накупаетесь, тогда и моя очередь придет, а вы будете следить, чтобы я не утонул.

Лучше всех плавал и нырял Антошка.

- Яна, я тебе сейчас кувшинок принесу, - пообещал он и через минуту был уже на другой стороне реки у желто-зеленого плавучего островка. Но почему-то цветы рвать не стал, а полез на берег. Верный Локус следовал за ним. Антошка зачем-то обошел ближайшие березки, кланяясь каждой до самой земли, а потом, прижимая руки к животу, спиной зашел в воду и поплыл обратно. Поднимая ногами тучи брызг из-за занятых рук, Антошка приближался к девочке. “Живот у него, что ли болит?” – подумала Яна, но Антошка уже вылез на берег, опустил на колени, разжал, наконец, руки, и на траву упали три чудесных серых с мраморными разводами гриба.

- Вот! Подберезовики. Лучше, чем кувшинки?

Подошел дядя Аня и удивился:

- Ого! Уже грибы пошли?

А Яна от такой красоты даже дар речи потеряла. Она гладила бархатистые шляп-ки, прижималась к ним щекой и все вдыхала чудесный грибной запах. Уж каких только ароматных духов не было у ее мамы, но такой свежий и чистый запах не встречался. Наверное, он не выжил бы в плотно закрытых стеклянных флакончиках.

- Антошечка! – Яна жалобно посмотрела на мальчика, - а ты все грибы собрал?

- Да что ты! Я и в лес-то не зашел. Эти прямо у берега росли.

- Как мне хочется гриб найти! Может, ты поможешь мне переплыть речку?

- Не знаю, получится ли. С Локусом надежнее будет. Уцепишься за его шерсть – и никаких проблем!

- Так-так, ребята! А ну-ка, сбавили темп! – вмешался дядя Аня. – Кто же ходит в лес в трусах? А грибы куда вы класть собираетесь?

- Куда класть, я придумала. Мы полотенца завяжем, получатся сумочки!

- Нет, все равно не годится! Грибы никуда от нас не денутся. Мы завтра с утра наденем сапоги и куртки, возьмем корзины и пойдем за речку. Тут недалеко должен быть мост.

- Дядя Анечка! – Яна умоляюще сложила ладошки. – Нельзя завтра! Вдруг завтра грибов не будет? Вдруг их все соберут? А куртки и сапоги только для дремучего леса нужны. Здесь не лес даже, а лесок, рощица маленькая. У нас в городе и то гуще деревья растут! Мы же

не пойдём далеко, просто вдоль берега походим! У моего папы есть резиновая лодка. Ну, пожалуйста! Что Вам стоит! Мы здесь подождём, а Вы быстренько лодку принесёте!

Янина идея так всем понравилась, что дети все-таки уговорили Лесикина папу, и он отправился за лодкой. Не прошло и получаса, как он вернулся с резиновым свертком, двумя легонькими веслами, насосом и целой кучей пакетов под грибы. Лодку накачали, и за два приема все оказались на другом берегу. Собакам пришлось переправляться вплавь: тонкая резина и когти – неподходящее сочетание. Лодку привязали в тростниковых зарослях рядом с другой, деревянной, неизвестно кем оставленной. Может, в лесу были ещё грибники?

Яна взяла пакет с пшеном, которое Лесик собирался высыпать по дороге, да забыл.

- Знаешь, Лесик, в поле и так зерна достаточно. Я в лесу первый раз, и буду, как Мальчик – с-пальчик, кидать зернышки, где прохожу, чтобы не заблудиться.

- Вот у тебя зернышки, как у Мальчика – с – пальчик, птицы и съедят! А белых камешков здесь нет!

- Это ещё что за разговоры? – поинтересовался дядя Аня. – Кто это у нас заранее собрался теряться? Значит так, держимся, все вместе, из виду никого не выпускаем. И только вдоль берега! Учтите, бабушка Майя мне по секрету рассказывала, что в этом лесу людоеды водятся. И с одним она лично знакома. Он, хотя и молодой, но усатый и бородатый, и очень любит есть маленьких детей.

Ребята посмеялись и разбрелись по берегу. Лесик и Антошка время от времени радостно вскрикивали, находя красавцев-подберезовиков, дяде Ане тоже иногда доставался лесной подарок, и только Яне не везло. Она просто замучилась, бегая от одного мальчика к другому, чтобы полюбоваться на их находки. Подберезовики были двух видов. Одни, мраморно-серые, были покрыты сверху сухой бархатистой кожицей, у других, темно-коричневых, шляпка была влажной и липкой, как будто над ними только что прошел дождь. Но и те, и другие были чудо как хороши!

И тут удача, наконец, улыбнулась Яне. Да ещё как! Между крохотной елочкой и кудрявой березкой она заметила что-то коричневое. Девочка развела в стороны густую траву, и перед ней предстал во всей красе боровик. Шляпка крепкого гриба была похожа на мягкую замшу её зимних сапожек, матовая поверхность излучала благородство и достоинство. Настоящий грибной царь! А рядом – наследник престола. Хоть и маленький, но стать и гордая осанка сразу же выдавали в нём особу королевских кровей! В почтительном отдалении среди елочек толпились придворные – дружная стайка лисичек, разряженная в яркие кринолины. У Яны даже дыхание перехватило от такой красоты. Прежде, чем положить очередной гриб в полиэтиленовый пакет, что было, конечно, кощунством, девочка подолгу любовалась каждым и даже разговаривала с ними:

- Извините, Ваше Величество! Вам, конечно, подходит лежать в красивой ивовой корзинке, но я уверена, что Вы простите мне доставленные Вам неудобства!

Или:

-Ах, уважаемая фрейлина! Какое досадное недоразумение! Вместо кареты сегодня подали простую телегу! Уверю Вас, больше такого не повторится!

Грибы молча, и не теряя достоинства, укладывались в пакет на мешочек с пшеном, и скоро полностью его закрыли. Так Яна и брела между елочек, то и дело срывая новые грибы и совсем не замечая, как летит время. И вдруг, как из-под земли перед ней появился парень огромного роста. Он приветливо улыбался Яне, но, заметив на его лице бороду и усы, девочка сразу вспомнила предостережения дяди Ани и испугалась. Она стала оглядываться, ища своих спутников, но их нигде не было. Не было и речки. Да и сам лес из веселой березовой рощицы превратился в негустой ельник.

Парень с самым дружеским видом поздоровался и спросил:

- Как тебя зовут, девочка?

Яна, как вежливая девочка, ответила неожиданному собеседнику, но тут же решила сделать проверку:

- А Вы знаете бабушку Майю?

- Знаю. А почему ты спрашиваешь?

- Ну, вот! Все сходится. Усы, борода, лес, бабушка Майя... Точно, людоед! – завертелось в голове у Яны. – Надо изо всех сил стараться не показать ему, что я его боюсь, и все про него знаю! Может, он сейчас и не голодный. Буду-ка я делать все, что он скажет, а потом улучшу минутку и сбегу!

- Где Вы живете? – попыталась поддержать разговор Яна.

- Да здесь в лесу и живу. Вон моя избушка. Приглашаю в гости.

- А едите что? – продолжала допытываться девочка.

- Ну, всякое, - уклончиво ответил людоед, укрепив Янины подозрения. - Что, по-твоему, можно есть в лесу?

- Я могу угостить Вас пшеном, - вспомнила Яна про неиспользованный пакетик, - и грибами.

- Ну, грибами я не обижен. А вот пшено в лесу не растет. Ты поможешь мне сварить кашу?

- А я еще не научилась. Зато научилась ее есть! Недавно совсем, – похвасталась Яна. – И гречневую, и перловую, и манную, и овсяную!

- Ого! – удивился людоед. – А я-то думал, что все дети примерно с годика это умеют. Эх, совсем я тут в лесу одичал, отбилась от жизни...

- Не расстраивайтесь, дяденька (людоед – чуть не прибавила Яна, но вовремя спохватилась), так оно на самом деле и есть. Просто у меня были тут разные обстоятельства.

В домике у людоеда оказалось очень чисто и опрятно. Человеческих костей нигде не валялось, любых других – тоже. Людоед быстро и ловко растопил печку, поставил на нее кастрюлю и сковородку, достал из-под крыльца масло в стеклянной банке и сухое молоко.

- Где он добывает в лесу такие продукты? – удивилась про себя Яна.

Через несколько минут перед Яной уже стояли ароматные жареные лисички и тарелка с пшенной кашей. Оказывается, Яна успела сильно проголодаться, потому что мгновенно съела оба блюда.

- Как вкусно готовит этот людоед! – думала она, засыпая прямо за столом. – Наверно, он меня откармливает, прежде, чем съесть...

Проснулась Яна на руках у папы. Он просто душил ее в своих объятиях:

- Девочка ты моя золотая! Жива! Я чуть от страха не умер! Мама весь телефон оборвала, звонит без конца со своего курорта, тьфу, забыл даже, где он находится!

- На Багамах, - стряхивая с себя сон, сказала Яна и огляделась.

Папа держал ее на руках, рядом стоял улыбающийся людоед. Впереди и сзади лежала пыльная дорога, вокруг – поля пшеницы. Ни домика в лесу, ни самого леса... Может, ей все приснилось, и она не ходила купаться и собирать грибы? Но почему тогда она проснулась не в своей комнате, и как людоед из сна попал в это место?

А папа продолжал рокотать низким басом:

- Представляешь, прибегают ко мне вся компания: Анаксимандр, Лесик, Антошка. И собаки с ними. Никто мне в глаза не смотрит, говорят, Яночка в лесу пропала. Я сразу за телефон. Думал спасателей из города вызывать. Но отговорили меня, решили еще раз лес прочесать, только народа собрать побольше. Не стал всех ждать, рванул вперед. И вот, пожалуйста, вижу - тебя, как маленькую, на ручках несет твой спаситель!

Тут в начале дороги за клубилась белесая пыль, из которой материализовались: бабушка Майя, Анжелика и ее мама, мама и папа Антошки, и еще куча знакомого, малознакомого и совсем незнакомого народа.

- Ну, слава Богу, нашлась! – выдохнул подбежавший дядя Аня. – Не уследили мы за тобой! Грибов – пропасть! Увлёклись. А опомнились, – нет тебя нигде. Мы уж кричали-кричали, по лесу бегали, Локусу с Персиком командовали: “Искать Яну”! Да какое там! Служебных собак таким командам годами учат! Собачки наши вроде и понимают, что им надо делать, а ткну - побегают, побегают – и снова к нам. Пришлось с повинной к твоему папе идти.

Тут в разговор вступил людоед:

- Да и я тоже виноват. Надо было девочку сразу к реке вести, кроме как из поселка, взяться ей в лесу неоткуда. Но, вижу, – устал ребенок, проголодался, решил, пусть поест и отдохнет немного. А она так умаялась, что так за столом и заснула. Пришлось потом ее на руках до речки нести. Даже когда в лодку перекладывал и снова на руки брал, не проснулась.

- Эх ты, Глеб, - запыхавшись от быстрой ходьбы, набросилась на людоеда бабушка Майя, - совсем одичал в своем лесу! Понятно, каждый гость тебе – подарок. Чтобы больше такого не было!

Бородатый парень сразу сник, и выглядел таким несчастным, что Яна не выдержала и вступилась за него:

- Не ругайте людоеда! Он хороший! Не стал меня есть, и даже пшенной кашей и грибами угостил!

- Какого людоеда? Где людоед? – раздались голоса.

- Ну, вот же он! Усы, борода, бабушку Майю знает... Все сходится!

- Ах, я, глупец! – стукнул себя по лбу дядя Аня. – Это я во всем виноват! Хотел детей поугубить, чтобы они друг друга не потеряли, а сам устроил девочке испытание, которое и взрослому-то не под силу. Хорошо еще, что она так мужественно с ним справилась! Яночка, не людоед это, а Глеб, наш лесник. Это счастье, что он тебя нашел!

Глеб расхохотался:

- Вот уж не думал, что кто-то меня за злодея примет! Да уж, натерпелась ты, Яночка! Прости меня, глупого, что сразу тебе не представился!

- А я все равно Вам бы не поверила! – призналась Яна. Зато теперь я точно знаю, что людоедов не бывает. А вот кашу Вашу и грибы никогда не забуду! И они всегда будут напоминать мне о приключении в лесу.

КОТЛЕТЫ

Лето плавно переходило в осень. В прохладные деньки уже не хотелось идти на речку, а тем более купаться, и Лесик все чаще уходил в гости к своему дружку, Антошке. Персик в такие дни никогда не оставался дома, – у него в Антошкиной семье тоже были друзья.

Кота Жулика многие принимали за котенка, потому что был он некрупным и очень подвижным, но Персик знал о его солидном возрасте и относился к коту с большим уважением. Пес же был настолько дружелюбным, добродушным и ласковым, что его невозможно было не полюбить. У пса не было ни минуты покоя, потому что, кто бы ни проходил мимо его дома, обязательно кричал: “Локус! Локус!”, и собака немедленно

отзывалась и бежала приветствовать проходящих. И не то, чтобы он кому-то был нужен по делу, просто каждому было приятно убедиться, что эта гора шерсти ему безумно рада.

Лохматая дворняга встречала Лесика и Персика громким лаем, махала пушистым хвостом и предлагала побыстрее зайти в дом. Лесик-то мог принять это предложение, а вот Персик садился на крыльце и ждал разрешения миниатюрного Жулика. Кот, как приведение появлялся из ближайших кустов, или бесшумно падал с крыши прямо перед Персиком, подходил к нему степенно и важно, и вдруг стремительно влетал в открытую дверь – значит, и ему, Персику теперь можно в гости.

Локус и Жулик прекрасно ладили друг с другом, а Антошку просто обожали. Вот уж с кем можно играть с утра до вечера, не боясь, что тебя неправильно поймут или обидят! Игры все трое любили одинаковые – прятки и догонялки, и кто бы ни приходил к ним в гости, все втягивались в веселую возню. Но кое в чем вкусы этой троицы расходились. Когда Локус с маленьким хозяином плескались и брызгались в воде, кот отходил на недосягаемое для брызг расстояние. Если Антошка с Жуликом садились в холодный вечер перед растопленной печкой, одетый в жаркую шубу пес уходил на крыльцо. И еще Жулик с Локусом, оба любители как следует покушать, не могли понять, почему их друг не ест котлеты. А Антошка терпеть их не мог.

Незадолго до того, как Лесик с Персиком пришли к своим друзьям, мама Антошки нажарила для него целую сковородку котлет и поставила ее на стол. Она сказала сыну, чтобы он подождал, пока котлеты немного остынут, а потом съел хотя бы парочку. Мама ушла на работу, чтобы успеть до дождя снять постиранное белье, Антошке было скучно сидеть около сковородки и он тоже вышел во двор. И тут же собака с котом оказались около стола. Они одновременно подняли вверх головы, втягивая носами восхитительный аромат. Трудно сказать, сильнее ли была любовь животных к Антошке или к котлетам, но они дружно решили избавить хозяина от необходимости есть нелюбимое им блюдо.

Сначала было совершенно ничего невозможно сделать - сковородка было слишком горячей. Но постепенно она остыла, и четвероногие воришки приступили к плану похищения котлет. Локус был довольно крупной собакой. Он встал на задние лапы, положил передние на стол дотянулся носом до сковороды и стал ее толкать. Увы, это было все, на что он был способен. Нос еле-еле дотягивался до выпуклого края, а вскочить на стол пес не осмеливался. Когда-то он сделал такую попытку, и она окончилась полным провалом – стол зашатался, лапы попали в чашки и тарелки, все зазвенело, загремело, на пол упали сахарница и солонка, и рядом со столом тут же выросли два сугроба – из соли – поменьше, из сахара – побольше. Тогда хозяйка как следует наказала собаку, и Локус хорошо это запомнил. Поэтому он просто дотолкал сковороду туда, куда дотягивался его нос, и, убрав со стола лапы, пошел советоваться с Жуликом. Решили, что на стол ползет кот. Было несколько случаев, когда его заставляли за этим занятием, но попадало ему не сильно, потому что Жулик хотя и мог опустошить тарелку с едой, но, по крайней мере, ничего не разливал и не разбивал.

И вот Жулик вспрыгнул на стол. Сначала он, осторожно переступая лапами, обошел и обнюхал сковородку со всех сторон. Все стороны пахли одинаково вкусно. Потом кот потрогал ее мягкой лапой – сковородка не обжигала, была теплой. Но что делать с крышкой, под которой прятались котлеты? Жулик и носом ее толкал, и лапой пытался поддеть, – ничего не получалось. Сильный Локус справился бы с этой задачей за одну минуту, но на стол ему никак нельзя. Жулик так увлекся этой крышкой, что не заметил, как вернулся Антошка. Мальчик сразу понял, что здесь происходит, и полностью одобрил план своих друзей. Жулика со стола он все же прогнал, крышку со сковородки снял, взял котлету и бросил ее в миску коту. Жулик тут же, измученный долгим ожиданием,

вцепился в котлету. А Антошка ухватил вторую и раз! – бросил ее в миску Локуса. У собаки аппетит к тому моменту был - будь здоров! – поэтому котлета до миски даже не долетела. Пес подпрыгнул, раскрыл пасть, а когда ее захлопнул, котлета уже уютно устроилась у него в животе.

Антоша вспомнил, что мама велела съесть ему “хотя бы пару котлет”, но тут же решил, что, пожалуй, накормит своих друзей до отвала, а маме скажет, что все съел сам – то-то она порадуется! Антон хорошо знал, что делить все всегда надо поровну, поэтому следующая котлета опять полетела в кошачью миску, другая снова не долетела до собачьей, так дело и пошло. Локус был воспитанной собакой, миску кота никогда не трогал и с грустью смотрел, как перед Жуликом растет котлетная гора. А жулику, хоть он и старался есть побыстрее, за Локусом все равно было не угнаться. Антошка все кидал и кидал котлеты.

Мама вошла в комнату как раз в тот момент, когда котлетка, как волшебная, сама летела в собачью пасть. Но мама и сама была немножко волшебницей (Неволшебницы не могут готовить такую вкусную еду), поэтому сразу поняла, что никаким волшебством тут даже не пахнет. Она подошла к столу, заглянула в сковороду. Там лежала одна-единственная котлета. Потом мама поглядела в кошачью миску. В ней лежало штук шесть котлет, – они уже там и не помещались. А сам кот к этому времени наелся так, что в него больше не влезало, и лежал тут же, около миски, не в силах подняться. Локус, опустив хвост к земле, бочком протискивался через приоткрытую дверь на улицу, а Антошка испуганно смотрел на маму, держа на весу испачканные в котлетах руки. Эту сцену и застал Лесик, когда вошел в дом. Персик же в этот раз так и остался сидеть на крыльце, потому что объевшийся кот не мог выйти и пригласить его в гости. Антошкина мама ужасно рассердилась.

- Вот, Лесик, полюбуйся-ка на своего дружка! Весь обед скормил кошке с собакой!

- Я уверена, что Лесик никогда бы так не сделал, - обратилась она к сыну. – Все! Больше ты никогда котлет не увидишь, - и, хлопнув дверью, мама вышла из комнаты.

Антошка так расстроился, что даже не замечал вошедшего друга. Он смотрел на последнюю котлету в сковородке, последнюю котлету в своей жизни и явно готовился зареветь. Лесик подумал, что пришел не в самое удачное время, выскользнул на улицу и побрел с Персиком домой.

Неизвестно, как закончился для Антошки этот печальный день, но Лесик точно знал, что своей угрозы Антошкина мама не выполнила. Так как на улице с каждым днем становилось все холоднее, ребята много времени проводили в гостях друг у друга. И пару раз за осень Антошкина мама ставила перед мальчиками на обед тарелки с котлетами. Антошка больше котлетами не бросался, съедал за обе щеки, а если и угощал Локуса с Жуликом, то им приходилось делить одну котлетку на двоих.

СЫР

Персик все никак не мог понять, что лето заканчивается. Он привык в жару лежать под домом, и продолжал делать это, даже когда погода совсем испортилась. И долежался, – простудился и заболел. Сначала все было не так уж и страшно: щекотало в горле и в носу,

как будто он нанюхался цветочной пыльцы. Персик лежал под домом и чихал. А потом вдруг стало жарко, как будто вернулось лето, и перед глазами зароились мошки. Персик хотел встать и прогнать их, но лапы почему-то подгибались и не хотели слушаться, мошек сразу прибавилось, и несчастный пес повалился набок.

Лесик сегодня собирался идти к Яне на день рождения. У него уже был готов подарок: бусы из рябины, которые он сделал сам, и сборник сказок, в котором были и Емеля, и золотой гусь – вот Янка будет смеяться, вспоминая, как он с Анжеликой прыгал перед ее домом! Мальчик позвал собаку и зашагал к калитке. Странно! Обычно Персик успевал обогнать его уже через несколько шагов, – а тут – никого! Лесик забеспокоился, вернулся и заглянул под дом. Бедный пес еле нашел в себе силы подползти к маленькому хозяину. Взяв собаку на руки, Лесик внес ее в дом. Как же переполошились мама с папой! Персика уложили на кровать, что бывало ох, как нечасто, наперебой предлагали разные вкусные вещи: сахар, печенье – все, что раньше приходилось выпрашивать, да и то не всегда успешно. Такая жалость, – есть совсем не хотелось! Если бы Персик умел говорить, он попросил бы хозяев оставить всю эту вкуснятину на потом, когда он поправится. Сами-то они не догадаются. Персик и раньше не сомневался, что его все любят, но КАК любят, понял только сейчас. Каждый старался уложить его поудобнее, все его гладили, называли и “милым щеночком”, и “моей прелестью”, а хозяин даже один раз обратился к нему : “Памперсик!” – именем, которое давно было забыто.

Страшная жара внезапно сменилась жутким холодом. Персик задрожал так, что кровать затряслась. Его укрыли одеялом и растопили печку. Забежала Анжелика спросить, не забыл ли Лесик про Янкино день рождения, а то все уже собрались, только его и ждут. Узнав, что Персик заболел, посидела около него, погладила, поохала, обещала навестить еще и убежала.

А ночью в дом пришли мыши. Хотя Персик весной прогнал их из дома в заросли ивы у пруда, серые разбойники не оставляли попыток вернуться в облюбованное жилище. Все лето они пытались по ночам отвоевать оставленный дом, или, хотя бы, чего-нибудь в нем украсть. Но маленький белый комочек каждый раз встречал их звонким лаем и гнал обратно к пруду, в норы.

Но сегодня мышинные разведчики отпора не встретили. Они обошли весь дом, не заходя в комнату, где пахло собакой. У мышей замечательный нюх, и они прекрасно знали, что их враг находится совсем близко, только вот сегодня он был совершенно не опасен. Персик слышал мышиную возню, но ничего не мог поделать. А мыши обследовали каждую щелочку, каждый уголок, и добрались до полок с провизией. Выбор у них был просто королевский. Мыши не тронули крупу, похрустели сахарным песком, немного погрызли батон и обнаружили сыр. Сыр – любимое мышиное лакомство, и они съели его до последней крошки.

Когда разведчики вернулись в свои дома, остальные мыши чуть не поумирали от зависти – так вкусно от них пахло! На следующую ночь мыши решили атаковать дом все вместе.

Утром мама в первую очередь проверила, как себя чувствует больной, а потом стала готовить завтрак. Чтобы у всех было побольше времени побыть с собакой, она решила ничего особенного не придумывать. Пусть все просто попьют чаю, – а бутерброды с сыром прекрасно утолят голод. Мама поставила на плитку чайник. Потянулась к сахарнице – что такое? Весь сахар истоптан мышинными лапкам! На батоне – следы зубов, а сыр пропал. Пришлось оставшуюся еду выкинуть и варить кашу. Тут и папа с Лесиком проснулись и, позавтракав, пошли в магазин пополнять утраченные запасы.

- Вот, все меня бросили, - думал Персик. – Хозяина с Лесиком вообще нет дома, хозяйка тарелки моет. А все из-за этих противных мышей!

Днем Персик опять был окружен вниманием. Больного пришли навестить Яна и Анжелика. Яна получила свои подарки и угостила Лесика большим куском торта. Торт был немедленно предложен Персику, и он заставил себя проглотить маленький кусочек, просто чтобы никого не обидеть. Все вокруг сразу повеселели, заулыбались и стали многозначительно переглядываться.

Все, что принесли из магазина папа и Лесик, мама разложила по стеклянным банкам и плотно их закрыла.

Вечером на берегу пруда началась подготовка к новой атаке. [Мышей, готовых идти за сыром, оказалось так много, что белый берег, усеянный овальными камешками, местами, казалось, был покрыт серыми коврами и ковриками. Мыши снова пришли в дом и снова занялись лазаньем по полкам. Через стекло им было не добраться до еды, а из-за куса печенья, недоеденного Лесиком за ужином, они устроили настоящую драку. Уходить голодными им совсем не хотелось, большой кусок сыра аппетитно просвечивал через стекло, и мыши все же додумались, как до него добраться. На полку залезло столько мышей, сколько она могла вместить, и вот передние стали напирать на банк, задние – на передних, банка сдвинулась с места, поползла к краю, немного покачалась, упала вниз и разбилась. Мыши мгновенно разгрызли большой кусок сыра на маленькие кусочки и потащили их в свои норы. Вместе с банкой с полки свалилось и несколько мышей, но легким грызунам такой полет не причинил никакого вреда. На шум вышла мама, – и что же она увидела? Только осколки на полу, да одну мышку, которая ухватила слишком большой и тяжелый для себя кусок и теперь пыталась протащить его в щель между досками. Кусок не выдержал, разломился, мышь вцепилась в часть побольше и с победным писком исчезла. Маме оставалось только подмести осколки и пойти спать.

Уход и забота сделали свое дело. Персик чувствовал себя намного лучше. Он съел несколько печений (его все еще продолжали баловать) и хотел немного погулять вокруг дома. Но его выпустили всего на несколько минут - сделать свои собачьи делишки, а потом на весь день снова уложили в постель, все же поправился он еще не до конца. Сыр купили снова, и в этот раз не только уложили в банку. Сама банка стояла в плотно закрытой широкой кастрюле. Мышей в эту ночь пришло поменьше. Часть из них прошлой ночью утащила такие крупные куски, что не смогла их съесть за целый день. Да и потом мыши были уверены, что теперь можно в любую ночь прийти в никем не охраняемый дом и пополнить свои запасы.

Хотя мыши научились сбрасывать банки с полки, еда в них не привлекла мышиною внимания. Грызуны думали только о сыре. По запаху они определили, где он лежит, и бросились в атаку. Они бегали по крышке кастрюле, цокали коготками и недовольно пищали, не чувствуя опасности. А опасность приближалась. Персик спрыгнул с кровати, ударом лапы распахнул дверь и ринулся в самую гущу грызунов! Закружилось серо-белое облако. Мыши в панике разбежались, а звонкий лай собаки придавал им силы. В доме все проснулись и сбежались на шум. Как обрадовались хозяин, хозяйка и Лесик! Не тому, что был спасен сыр, а тому, что Персик поправился. Теперь мама, если хотела, всегда могла приготовить бутерброды на завтрак, а мышам в их норках приходилось только облизываться, вспоминая о когда-то украденном сыре.

СЫРНИКИ

С утра Яна и Анжелика стояли около калитки, украшенной жестяным петушком и совещались:

- Вот, Яночка, сама вскочила ни свет, ни заря, мне с Лункой не дала выспаться, а теперь хочешь всех перебудить в доме, где больной лежит. Может, ему к вечеру хуже стало, за ним ухаживали всю ночь, теперь отсыпаются, - говорила Анжелика, перекладывая из руки в руку большой пакет.

В пакете лежали гостинцы для больного, позаимствованные Анжеликой из Лункиных запасов: печенье, какие-то баночки с консервированным мясом, несколько яблок, бананов и апельсинов. У Анжелики, кроме Лунки, других животных не было, и она считала, что этот набор – прекрасный подарок для собаки. Лунка вертелась около ног, пытаясь цепкой лапкой ухватить пакет и получить свой завтрак.

- Ой, Анжелика, я так беспокоилась за Персика, что проснулась, когда еще было темно. Целых два часа терпела, прежде чем тебя разбудить! А почему это Лунка глаз с пакета не сводит?
- Наверное, чувствует, что апельсином пахнет. Или бананом.
- Так у тебя в сумке такая вкуснятина? Ну, раз уж нам все равно ждать приходится, пока все проснется, давай поедим! И время пройдет быстрее.
- Ну вот! То ты о Персике беспокоилась, а теперь его гостинцы хочешь съесть!

Огромные голубые Янины глаза стали еще больше от удивления, а потом она рассмеялась:

- Ты что, правда думаешь, что Персик обрадуется таким подаркам?
- Конечно! Вот Лунка очень любит фрукты, А потом, откуда ты знаешь, что собакам нравится?
- Оттуда. Все же у нас гиена почти все лето жила. Она собакам – родственник, а обезьянка – нет. Так вот гиена больше всего мясо любила. А из фруктов ела только яблоки, и то немного – пару долек в день.

Пока девочки спорили, дверь в доме открылась, и, толкнув лапой калитку, отчего петушок запел-заскрипел, к Яне и Анжелике бросился Персик, веселый и здоровый. А следом и Лесик вышел.

- Ой, Лесик! А мы всю ночь не спали! Волновались – ужас! А Персик совсем поправился? А что ему можно есть? – наперебой загалдели девочки.
- Мы тоже не спали, - зевнув, сказал Лесик. – Персик всю ночь мышей ловил. Шуму было! А поправился он совсем. Надо было вам не стесняться, зайти в дом. Все уже давно встали и даже позавтракать успели. А сейчас пошли-ка к Антошке, пусть он тоже увидит, что с Персиком все в порядке.

Локус, увидев, что к дому приближается большая компания, выскочил на-встречу, гавкая и виляя хвостом, и даже позволил себе потолкать гостей носом в спину, чтобы они не пропустили нужной калитки. И даже Жулик не заставил Персика долго сидеть и ждать приглашения, – как только пес очутился на крыльце, тут же возник рядом и стрелой промчался в открытую дверь.

Вкусный Анжеликин пакет честно разделили: печенье дали Персику, мясные консервы – Жулику и Локусу, дети съели яблоки, а Лунке досталось то, что она любила больше всего – апельсины и бананы. И пошло веселье! Играли и в жмурки, и в прятки, и в догонялки. И оттого, что Персик никак не хотел водить с завязанными глазами, срывая

лапами повязку с головы; Лунка всегда пряталась в одном и том же месте – на шкафу; а Жулик легко давал себя поймать, было еще веселее.

Персику снова выпало водить. Анжелика завязала ему глаза пестрым шарфиком, и все бросились врассыпную. Пока пес, опустив голову до самого пола, передними лапами стаскивал с головы шарфик, все успели спрятаться. Простодушный Локус лег на пол и закрыл глаза, Жулик залез на печку, Лесик – под кровать, Яна встала за дверь, а Антошка – за шкаф. Как обезьянка проскочила в открытую дверь и полезла по крутой лестнице на чердак, никто не заметил.

Анжелика давно уже присмотрела для себя отличное местечко: между печкой и стеной была широкая щель, заложённая дровами примерно на половину ее роста. Пока пес занимался повязкой, Анжелика успела поставить рядом с печкой стул. Прыжок – и вот она в тесном и узком пространстве, отгороженная от всех аккуратными белыми полешками, печкой и стеной. Персик, справившись с повязкой, бросился на поиски. Вообще-то шарфик ему несколько не мешал: собаки ищут больше носом, чем глазами. Пес дружески махнул хвостом Локусу, легко нашел хозяина под кроватью, Яну за дверью, Антошку за шкафом. Поиски Анжелики немного затянулись, потому что запах свежеспиленных дров не давал сосредоточиться, но верный нос и тут не подвел. Обнаружив девочку, Персик начал делать подкоп под поленницу. Пришлось Анжелике выходить. Встав на задние лапы у печки, Персик поднял вверх черный нос и звонко залаял.

- Жулик, выходи! Тебя нашли! – закричали дети, и кот честно показал на мгновение свою усатую мордочку, скрылся, и тут же, пролетев серой молнией мимо ребят, приземлился рядом с Персиком.

Но Персик не унимался. Он все лаял и лаял и явно не собирался отходить от печки.

- Персик! Все, Жулика ты уже нашел. Ищи Лунку, а то снова будешь водой! - напрасно упрашивали его дети. Лесик даже несколько раз подходил к шкафу, на котором всегда пряталась обезьянка, и звал собаку к себе, хотя это было против правил.

- Лунка, слезай! – крикнула Анжелика, - все знают, что ты на шкафу! Но никто не слез.

- Наверное, она в этот раз спряталась с Жуликом. И не выходит. Это нечестно! – заявила Яна, - Персик не может ошибаться!

Пришлось идти за помощью к Антошкиной маме. Она была на кухне и собиралась готовить завтрак.

- Мама! – крикнул Антошка, - Лунка жульничает! Сидит то ли на печке, то ли на шкафу и не выходит! А это не по правилам!

Мама встряхнула руками, отчего вокруг нее закружилось белое облако муки, и пошла помогать Персику. Встав на стул, она заглянула сначала на печку, потом на шкаф.

- Но тут никого нет, - сказала мама.

- Как же так? – забеспокоилась Анжелика, Лунку обязательно надо найти!

- Мы вот как сделаем, - предложила мама. Вы все уже устали и проголодались. Сначала позавтракаем, а потом все вместе примемся за поиски. Ну, кто будет сырники?

Яна, Анжелика и Антошка, не евшие с утра ничего, кроме яблок, поддержали это предложение, и только Лесик начал отказываться:

- А я уже завтракал. И как раз ел сыр.

Антошкина мама сказала:

- Я ведь тебе не сыр предлагаю.

- Ну, сырники. Почти то же самое.

- Совсем другое.

- А разве сырники сделаны не из сыра? Слова-то похожие.

- Я уверяю тебя, что в сырниках масса вкусных и полезных продуктов. Но сыра в них точно нет.
- Все равно звучит странно. Может это что-то сырое?
- Тоже неверно. Это блюдо должно быть хорошо прожарено. Когда будешь есть, попробуй догадаться, из чего они сделаны.

Все отправились на кухню и смотрели, как Антошкина мама из густого теста скатывала белые шарики, которые в ее ловких руках превращались в круглые лепешки и, обваляв их в муке, клала на сковородку. Скоро перед каждым стояла тарелка с золотистыми сырниками. Лесик так и не смог угадать, из чего же они сделаны, но сырыми они уж точно не были. Вот уж еда, для всех подходящая! Не отказались от такого угощения ни кот, ни собаки. А Анжелика попросила оставить сырник для Лунки.

Обезьянку долго искали в доме, но потом Антошка догадался залезть на чердак. И точно – слишком рано вставшая обезьянка спала прямо на полу около печной трубы, как раз на это место и указывал своим лаем Персик. И хотя живот Лунки был толстеньким от бананов и апельсинов, отказаться от свежего сырника она не смогла.

ЯИЧНИЦА

Зарядил противный мелкий дождик. Дорога к речке превратилась в грязное жидкое месиво. Хлеб убрали с полей, и они стояли, ошетилившись короткими жесткими обрубками стеблей. Персик, которому плохая погода была нипочем, исправно таскал в дом уличную грязь, и маме приходилось по несколько раз в день мыть полы. Теперь асфальтовые и гравийные дорожки в пригороде у железной дороги перестали казаться ей каким-то излишеством. Было ясно – дачный сезон закончен, пора ехать в город. Лесик с Персиком обежали всех своих знакомых, которые еще не уехали, и попрощались с ними до следующего лета.

Маленький деревянный домик был закрыт до весны, и все зашагали к станции мимо зарослей ивняка. Сквозь голые прутья просвечивала перловая каша, брошенная великанами, мыши в своих норах обсуждали план переселения в опустевший дом. Пруд скрылся из вида и пошли дома, похожие на маленькие замки и дворцы, а за ними – станция. Всего-то пара часов на электричке – и город. Персик долго не мог решить, где же осенью лучше – в городе или на даче? В городе не так грязно, кругом асфальт, шерсть не слипается в противные липкие сосульки, и хозяйка не говорит, что ей приходится с утра до вечера убирать грязь “за этой собакой”. В городе дома всегда стоит ровная теплая погода, ее делают батареи. В них не надо класть дрова, и они никогда не обожгут и не остынут. В городе гораздо больше собак – просто через каждые два шага, а уж кошек! Все это хорошо. Плохо то, что квартира всегда заперта. Толкнуть лапой дверь и выйти на улицу не получается. Нет ни одной лягушки. Нет вкусных и спокойных запахов дерева, земли и листьев – везде пахнет бензином. И собак, пожалуй, слишком много. Встречаются злющие и кусачие – к такой подойдешь, виляя хвостом, а она; “Гав –гав-гав!”, и так с поводка рвется, что не всякий хозяин удержит. Ванна еще. Тоже нехорошая вещь. Вроде, и

не пачкаешься, как в городе, а все равно каждый вечер – извольте купаться! Одно дело речка – плыви куда хочешь, палки из воды доставай, лови жуков-плавунцов или водомеров. А в ванной – одно намокание, и вода пахнет хлоркой. Выходило, что на даче все же лучше, и Лесик тоже так считал. На детскую площадку не пойдешь, дождь не пускает. На лестничной клетке только один друг – Сережа. Хороший друг, только когда все вдвоем да вдвоем, становится скучно, как одному. Большой плюс, конечно, телевизор. Можно и мультики посмотреть, и сказку, а если родители разрешат – боевик или ужасник.

Но тут открылся цирковой сезон, и, получив от папы тонкий голубой билетик, Лесик признал, что в чем-то город и получше дачи.

В этом сезоне гвоздем программы был номер знаменитого жонглера Мастикина. Все жонглеры подбрасывают в воздух и ловят кольца, кегли, шары или тарелки. Мастикин же подбрасывал и ловил куриные яйца. Ни один жонглер не мог повторить его необыкновенного номера. Мастикин уверял, что весь секрет в том, что он не покупает яйца в магазине, а их несет ему волшебная курица, которую он всюду возил с собой. В курице на самом деле ничего волшебного не было, и яйца она несла самые обычные. Просто Мастикин привык к ней и убедил сам себя, что именно эта курица – его счастливый талисман. “Волшебные” яйца жонглер никому не давал и держал их в большой корзине между самыми дальними клетками, в которых сидели удав и обезьянка.

Номер заключался не только в подбрасывании яиц. Это как раз была самая простая его часть. А самая сложная была вот какой: когда жонглер брал в руки сразу два десятка яиц, на арену выносили огромную сковородку с маслом. Под сковородкой на листе железа разжигали костер. Мастикин начинал подбрасывать и ловить яйца с такой скоростью, что они образовывали над его головой белый круг. В этот момент он выхватывал из-за пояса небольшой кухонный нож и разбивал им каждое падавшее ему в ладонь яйцо. Делал Мастикин это так быстро, что никто из зрителей не успевал проследить за его движениями. Просто рядом с жонглером быстро росла гора яичной скорлупы, а сами яйца летели на сковородку. Пока Мастикин раскланивался с публикой, яичница успевала поджариться. Выносились одноразовые пластмассовые тарелки и вилки, яичница разрезалась на небольшие порции, и добровольцам из зала предлагали убедиться, что она – самая настоящая. Добровольцев обычно было не больше, чем порций. Лесик замечал, что взрослые обычно стараются уклониться, если им предлагают поучаствовать в цирковом номере. Иногда даже веселые клоуны вытаскивают их из кресел силком. Вот дети – другое дело! Только позови – с последнего ряда за минуту прибегут. Здесь все дело было как раз в яичнице. Ее и дома можно каждый день есть. Если бы раздавали мороженое и лимонад, так очередь бы, небось, выстроилась побольше, чем в буфете. Но эта яичница была особенная, цирковая, и на нее все же находились охотники.

За своей курицей Мастикин ухаживал, как за ребенком. Клетка у нее была не меньше, чем у льва. Полклетки было завалено душистым сеном, в кормушке всегда лежало свежее зерно, а воду курице Мастикин наливал не из-под крана, а из пластиковых бутылок, причем, никогда не забывал спросить у продавцов сертификат.

Наверное, именно из-за такого хорошего ухода курица вдруг стала нести вдвое больше яиц.

Но эти лишние яйца Мастикин не увидел. Видно, курица решила, что глупо отдавать жонглеру неучтенные яйца и стала прятать их в огромной куче сена. Она захотела вывести цыплят, потому что ей было очень скучно проводить целые дни одной в клетке. Все цирковые животные выступали в каких-нибудь номерах, а ей даже сцену ни разу не довелось увидеть. Курица отложила как раз двадцать лишних яиц, залезла в соломенную

кучу поглубже и принялась их насиживать. Мاستикин, который привык, что его необыкновенная курица обычно ходит по клетке, подумал, что она заболела, и позвал лучших ветеринаров города для консультации. Ветеринары осмотрели курицу, никаких болезней у нее не нашли и посоветовали жонглеру не беспокоиться – может, курице просто надоело ходить взад-вперед.

Представления шли своим чередом, курица продолжала насиживать яйца, и уже близился день, когда из них должны были вылупиться цыплята. И надо же было такому случиться – именно в этот день служитель, чистивший клетки, забыл их закрыть! Все сразу. Тигры и львы остались на месте, они прекрасно понимали, что дрессировщик их как следует накажет за непослушание. Бегемот тоже не покинул клетку: он был такой толстый и ленивый, что и на сцену-то не хотел выходить, хотя его номер был самым простым – показаться публике и что-нибудь съесть. Зато обезьянка с удавом с радостью удрали: они давно мечтали добраться до корзины с яйцами. Обезьянка оказалась у корзины первой и успела разбить и съесть несколько яиц, прежде чем к ней присоединился медлительный удав. Зато он не стал тратить время на разбивание, а глотал яйца целиком.

Курица, хотя и ждала появления цыплят с минуты на минуту, не смогла отказаться от возможности побродить на свободе и отправилась исследовать помещения, в которых никогда не бывала. А представление уже началось. Первыми выступали акробаты. Следующим был номер жонглера. Мастикин переоделся в блестящий костюм и пошел за своей корзиной. Он чуть в обморок не упал, когда увидел, что корзина пуста. Жонглер бросился к клетке, в ней тоже никого не было. Кто-то похитил курицу, приносящую ему удачу! В отчаянии Мастикин начал разбрасывать сено и обнаружил двадцать прекрасных яиц. Времени искать курицу уже не оставалось, был объявлен его номер. Мастикин быстро сложил яйца в корзину и, улыбаясь, вышел на арену. Ему хотелось не улыбаться, а плакать, но уж такая работа у циркачей – доставлять публике радость.

Раздались аплодисменты, и яйца замелькали в воздухе. Вот уже принесли большую сковородку, разожгли под ней огонь... И тут курица добралась до арены. Она испугалась шума, яркого света, большого количества людей. Увидев Мاستикина, она бросилась к нему за защитой. Жонглер очень обрадовался, что курица нашлась, но сделал вид, что не замечает ее: ведь выход курицы на сцену программой не предусматривался. Масло на сковородке уже шипело. Мастикин неуловимым движением достал из-за пояса ножик и приготовился, как всегда делать цирковую яичницу. Вдруг в белом круге из яиц над своей головой он заметил что-то желтое. Через секунду ему в руку упал живой теплый комочек, и удивленный жонглер бережно опустил к своим ногам цыпленка. Он сделал это так быстро, что белая скорлупка упала рядом на мгновение позже. Цыпленок бросился к своей маме.

Яйца раскалывались в воздухе одно за другим, и скоро рядом с курицей толпились и пищали двадцать крошечных цыплят. Мастикин был в ужасе: первый раз за всю его цирковую карьеру номер провалился! Но тут раздались такие аплодисменты, каких не слышал еще ни один цирковой артист. У Лесика, который попал как раз на это представление, даже ладошки заболели. И он несколько не жалел, что ему не удалось попробовать цирковой яичницы.

СУП

В далеком космосе вокруг своего солнца Му вращалась никому неизвестная на земле планета Супа-супс. Размером она была не больше простой тарелки с супом. Инопланетяне, жившие на ней, называли себя осьмиками. Они были похожи на земных осьминогов: круглый шар со множеством щупалец, только окрашенный во все цвета радуги. Осьмики были такими крошечными, что человек смог бы разглядеть их только под микроскопом. Инопланетяне были очень умными, гораздо умнее людей. Их мозг мог бы решить самую сложную задачу быстрее любого компьютера. Их архитекторы могли построить необыкновенные здания, а музыканты – создать лучшие в Вселенной мелодии. Но ничего такого осьмики не делали. У них не было ни компьютеров, ни зданий, ни музыки. Все это было им не нужно. Они даже думать не хотели, а все из-за планеты, на которой жили. Вместо воды на этой планете был вкусный и питательный бульон. Белые острова и материки, поднимающиеся из океанов, были вкусом похожи на вареную картошку. По бульонным рекам плыли оранжевые морковные плоты, водоросли напоминали укроп, а все дно океана устилало камни, похожие на перловую крупу. Осьмикам не надо было думать, как добыть себе еду, их едой была планета, вот они не думали. Обитатели Супа – супс лениво плавали в толще океана, время от времени делая большой глоток бульона, другие лениво ползли вверх по картофельным горам, откусывая у них по кусочку по мере продвижения, третьи залегли на морском дне, обгрызая перловые камни и пережевывая перловые водоросли. Самые неленивые осьмики плавали на морковных плотях. Плотов этих было не так уж много, и они быстро съедались – года за четыре, и приходилось в быстрых течениях отыскивать новые. Порой на это уходил целый день. Таких осьмиков остальные называли экстремалами и не очень одобряли их сумбурный образ жизни. Температура на Супа-супс всегда была теплой, ни о каких других живых существах или опасностях осьмики не знали, а сами они были практически неуязвимы: могли дышать в атмосфере и без нее, в бульоне и даже в толще картофельных гор. Были среди них такие любители – прогрызут в горе дыру и живут в ней до самой смерти, постепенно углубляя и расширяя. Но мир устроен так, что всегда что-нибудь начинается и кончается. Просто осьмики никогда об этом не задумывались. А зря! У них начала кончаться планета. Морковным экстремалам стало все труднее находить себе плоты. На дне морей и океанов почти на каждом камне сидело по инопланетянину, цвет гор был почти не виден из-за облепивших их разноцветных микроскопических телец, и даже в океанах пришлось проложить особые трассы, чтобы осьмики постоянно не сталкивались между собой. Тут обитатели планеты немного пошевелили своими умными мозгами и поняли, что планету они доедают. Это их так напугало, что они зашевелили мозгами быстро-быстро. В космосе, строго научно рассчитали инопланетяне, обязательно должна быть еще одна такая же планета. А скорее всего, и несколько. Надо только эту планету найти и переселиться на нее. Если она находится слишком далеко, нечего гнать туда все население, а надо подтащить ее к Супа-супс поближе. Для того, чтобы выполнить эту задачу, осьмики быстро придумали и построили космический корабль, огромный, с точку на бумаге. На корабле были мощные двигатели, способные легко взять на буксир и тащить за собой любую планету. Корабль мог за день облететь всю Вселенную. Экипаж ему почти не требовался, достаточно было одного инопланетянина. Хотя стать капитаном корабля мог любой, никто им быть не хотел. Ленивые осьмики хотели и дальше лениться, и каждый

думал, что тратить целый день, чтобы спасти планету и его самого, должен был его сосед. Но, в конце концов, нашелся доброволец. Это был осьмик-экстремал, который уже потратил один день на поиск морковного плота и не был уверен, что найдет его на следующий. Лучше уж гарантированно слетать в космос. Сел он в корабль и полетел. К вечеру осьмик-экстремал наткнулся на такую планету, какую искал. Правда, она не была похожа на шар, как Супа-супс, но это потому, что находилась в неудобной, несъедобной и твердой емкости. Белая емкость имела плоское дно, круглые края с золотым ободком и была не слишком глубокой. Рядом с родной планетой содержимое емкости должно было сразу принять привычную форму шара. В самую гущу найденной планеты был варварски воткнут металлический предмет неизвестного назначения: с длинной ручкой, заканчивающейся чем-то похожим на гигантскую ладошку. С помощью своего чудокорабля инопланетянин легко удалил инородное тело. Осьмик немного понырял в океане, попробовал подводные, то есть подбульонные камни, пару раз куснул почву материков и не отказал себе в удовольствии проплыть на оранжевом плотике. Все было просто замечательно! Только холодновато немного. Но это не беда. Под живительными лучами солнца МУ температура должна была быстро прийти в норму. Инопланетянин решил транспортировать планету вместе с емкостью, а потом, при подлете к Супа-супс, избавиться от нее. Осьмик опутал емкость невидимыми, но прочными тросами, двигатели взревели, и уже через час под далеким солнцем МУ началось великое переселение на новую планету. Супа-супс-2. Переселяться захотели не все осьмики. Самые ленивые остались доедать старую планету.

Сережа грустно возил ложкой в тарелке с супом. Суп остывал. Сережа услышал через стенку, что начались мультики и побежал их смотреть, бросив ложку в тарелке. Только он поудобнее устроился перед экраном, вошла мама.

- Сейчас же на кухню! И пока суп не съешь, телевизор смотреть не будешь! – мама нажала кнопку, и дядя Вуди, подавившись смешком, пропал.

Сережа пошел на кухню доедать суп. Но доедать было нечего. Пропал не только суп, исчезла и сама тарелка. На столе осталась только ложка.

- Мама! А супа-то нет! – крикнул Сережа через стенку.

- Ну и молодец! – Мама щелкнула кнопкой, и Вуди снова засмеялся. Сереже было не до мультфильмов.

- Мама! Да иди же сюда. Супа совсем нет, вместе с тарелкой!

- Не морочь мне голову! Я прекрасно помню, как его наливала!

- Да и я помню! И помню, как начал его есть! Но не доел, и он пропал. С тарелкой.

- Глупости какие! – мама вошла на кухню. – Ты его куда-нибудь вылил, наверное.

- Ага! И тарелку тоже.

- Тарелку спрятал!

- Не прятал я ничего! Мне самом интересно знать, куда все подевалось. Давай искать!

Но сколько мама с Сережей не искали пропавшую тарелку, она так и не нашлась. Из цирка примчался Лесик и с порога начал рассказывать другу, какие чудеса там видел. Слушали его не очень внимательно, Сережу и его маму сейчас больше занимали чудеса, творившиеся в их собственном доме. Этот случай навсегда остался для них загадкой, хотя пошел Сереже на пользу: он больше никогда не оставлял недоеденным суп.

В вечерних новостях передали, что сегодня астрономы наблюдали в свои мощные телескопы летающую тарелку, но мало ли что передают в вечерних новостях!

МАННАЯ И ОВСЯНАЯ КАША

Погода все портилась, хотя, казалось, дальше уже некуда. Деревья сбросили последние листья, а ветер был таким холодным, что мерз даже Персик в своей теплой шубке. Даже на улицу выходить не хотелось. Вот и сегодня пес, когда открыли дверь, не очень торопился получить свою порцию мелкой водяной пыли.

- Иди, иди! – приказал Лесик, - мама говорит, что надо обязательно гулять хотя бы пару часов в день, а то болеть будешь часто.

Песик послушался, как мячик скатился по лестнице, толкнул лапой входную дверь, выскочил на улицу, тут же влетел обратно и залился истошным лаем:

- Хозяин! Хозяйка! Лесик! Вот ужас – то! Это все они, инопланетяне! Досмотрелись вы разных кошмаров по телевизору – и, пожалуйста! Они уже здесь! Ах, чего натворили! Всю землю, все дома и деревья засыпали каким-то белым порошком. Наверняка ядовитым. Теперь навсегда погибла каждая травинка, каждый кустик! Никогда уже не встретится на дороге лягушка, птицы повымирают. И собаки, наверное, тоже. Лесик, услышав горестное жалобное тьяканье, поспешил к другу.

- Что с тобой, Персик? Пошли гулять!

Но пес прижался к перилам и не желал и шагу ступить по направлению к страшной опасности.

Лесик пожал плечами, открыл дверь. Вот чудо-то! На всем лежал искрящийся под солнцем снег. Он спрятал под собой грязный асфальт, собачьи какашки, фантики, окурки, какой-то мелкий вечный городской мусор. Мир сразу стал светлым и чистым.

- Персик! Да не бойся ты! Это просто снег, значит, пришла зима, - радостно закричал Лесик.

Ну что ж! В голосе маленького хозяина паники не было, значит, ничего страшного за дверью нет. А если бы и было, разве он, Персик не должен охранять и защищать тех, кого любит? Пес снова открыл дверь, не до конца, конечно, и просунул в образовавшуюся щель нос. Пахло так вкусно, что даже голова закружилась. Нет, такие вкусные запахи никак не могли сопровождать вторжение недружелюбных инопланетян! Персик вышел на улицу, Все сияло так, что приходилось жмуриться. А через несколько минут пес убедился, что маленький хозяин не зря так обрадовался этому мягкому и белому порошку. По снегу можно носиться, оставляя за собой длинный извилистый след. Можно копать в нем норы. Можно валяться на нем, сколько угодно – и шерсть только чище становится. Можно хватать его зубами прямо из-под лап, или ждать, когда Лесик скатает и бросит тебе круглый снежный ком. Красота! И птицы вымирать не собираются: перелетают с ветки на ветку, устраивая маленькие снежные обвалы, синицы; вороны каркают, как обычно; воробьи смело скачут по снежному одеялу, проваливаясь при каждом прыжке по самое брюшко. А одном месте Персик раскопал снег до самой земли и нашел там пожухшую травку. Ничего ужасного с ней не случилось, вроде, даже зеленее стала. Теперь с улицы уходить совсем не хотелось, Лесик с Персиком забегали домой только для того, чтобы поесть. Снег падал без перерыва. Днем с проезжей части его убирали и куда-то увозили машины, дворники сгребали его лопатами в огромные сугробы, но каждое утро Лесик со щенком находили снежное покрывало таким же свежим и чистым, как в день первого

снегопада. И это белое сияние, сначала вызывавшее такой восторг, стало понемножку приедаться. Лесик уже снова хотел увидеть землю одетой в разноцветный ковер и зеленые деревья. Наверно, поэтому в одну из ночей ему приснился разноцветный сон.

Во сне Лесик попал в необычную страну. В ней почти не встречался белый цвет, Лесик разглядывал там фиолетовых чаек, рисовал на розовой бумаге, восхищался сиреневыми облаками. Даже белый Персик, почему-то попавший в этот сон, стал там полосатым, как тигр. Лесик сначала даже не узнал своего друга.

Страна эта так и называлась – Небелая. У людей в Небелой стране уставали глаза от бесконечного мелькания разных цветов, и они уходили к океану, чтобы полюбоваться белой полоской мелкого песка, тянувшейся вдоль берега. В Небелой стране была еще одна белая вещь, но ею любоваться жители не могли. Это была подушка в белой наволочке, набитая белыми перьями, завезенная из дальних краев в незапамятные времена, которая находилась во дворце и принадлежала принцессе.

Лесик прекрасно понимал язык местных жителей, и ему пришлось выучить лишь одно новое слово. Белок в куриных яйцах там назывался “краснок”, и, понятно, он был не белого цвета.

Лесик ходил вдоль пшеничных полей, на которых вызревало зеленое зерно и видел, как на мельнице из него мелят зеленую муку. В пекарне ему разрешили самому замесить зеленое тесто и выпекли из него пышные зеленые булочки. Он, как и все жители, перестал удивляться тому, что в пирожные и торты украшал голубой крем, приготовленный из голубоватого молока, а картошка и яблоки были внутри малиновыми.

В Небелой стране правили принц и принцесса – брат и сестра. Хотя они были еще совсем детьми, правление их было мудрым и справедливым. Это были хорошие дети, и все их указания шли подданным только на пользу. Принц и принцесса редко приказывали сделать что-то для себя, да и то, не приказывали, а вежливо просили. Но в этих случаях подданные с таким усердием приступали к выполнению просьбы, что оно часто бывало излишним. Например, принцесса как-то попросила не заплетать себе косички, а сделать “взрослую” прическу. Лучшие парикмахеры страны целый день накручивали, укладывали и заливали лаком ее длинные черные волосы и к вечеру соорудили на ее голове такую высокую башню, что девочка даже не смогла ходить: башня тянула ее то в одну, то в другую сторону. А принц захотел прокатиться на пони. Так конюхи водили маленькую лошадку под уздечку почти целый день. Принц давно уже хотел слезть, но он видел, как стараются его подданные, и сидел верхом до тех пор, пока и пони, и конюхи не начали спотыкаться. И вот однажды принц и принцесса вежливо попросили, чтобы им на завтрак подали еду белого цвета. В Небелой стране все сбились с ног, но никто даже представить себе не мог, из чего можно ее приготовить. Поэтому утром на столе стояла самая обычная разноцветная еда, а вдоль стола стояли придворные, чувствовавшие себе очень виноватыми, хотя их не только не ругали, а даже замечания не сделали. Но на самом деле принц с принцессой обиделись. Они ведь были не только детьми, но и особами королевской крови, привыкшими к тому, что их слушаются, да и просьба не казалась им слишком сложной. Брат и сестра с каждым днем худели, потому что стали капризничать и отказываться от разноцветной еды. А потом принц даже попытался проглотить горсточку белого песка на берег океана, а бедная принцесса ночью вытаскивала белые перышки из своей подушки и тайком жевала их. Но во дворце все равно об этом узнали. И тогда один отважный подданный построил корабль и отплыл неведомо куда, поклявшись, что найдет для принца и принцессы еду, похожую на крупинки песка на берегу океана, и еду, похожую на хлопья пуха из подушки принцессы. В Небелой стране каждый желал моряку удачи, хотя никто не верил в успех затеи. Но прошло время, и корабль вернулся. Он привез

мешки с белыми крупинками манной крупы и мешки с овсяными хлопьями. Этих мешков было столько, что их хватило бы для всех жителей страны на много-много лет. Ко времени возвращения корабля принц и принцесса так исхудали, что едва могли подняться со своих кроватей, но, увидев, какое чудо привез для них отважный мореплаватель, нашли в себе силы лично прибыть на кухню, чтобы посмотреть, как это чудо готовится.

В кастрюльки налили голубоватое молоко. Когда оно закипело, засыпали в одну овсянку, а в другую – манку. Через несколько минут добавили желтоватый сахар. В сварившихся кашах желтый и голубой цвета стали почти незаметными. На завтрак принц получил тарелку манной, а принцесса – овсяной каши. Это было повкуснее куриных перьев или песка! Каждый так хвалил свое блюдо, что на следующий день они поменялись тарелками, и опять каждый остался доволен. Дети быстро поправились и вежливо попросили, чтобы каждый житель страны прибыл во дворец и получил по мешку манной крупы и овсяных хлопьев. Лесик тоже пришел во дворец, взвалил один мешок себе на спину, второй отдал полосатому Персику (во сне тащить мешки оказалось совсем нетяжело) и проснулся. Он встал, подошел к окну и с удовольствием увидел, как город засыпают белые хлопья. Оказывается, он во сне успел соскучиться по белому цвету.

СЕЛЕДКА ПОД ШУБОЙ

Этой зимой Лесик научился кататься на лыжах. Сначала этот способ передвижения показался ему неудобным. По снегу и так-то тяжелее ходить, чем по ровной дороге, а тут к ногам еще прикрепляют плоские широкие доски с загнутым носом. Только поднимешь ногу повыше, чтобы шагнуть, конец лыжи утыкается в снег – раз! – и ты уже на спине. Самому подняться совершенно невозможно, опять лыжи мешают. Папа ходил рядом с Лесиком и бодро комментировал его неудачи:

- Ничего! Дай руку, вставай! Ты палками толкайся, а ноги не задирай, скользи.

Лесик толкался палками изо всех сил, стараясь шагать, не отрывая ног от земли, но не скользил, а снова падал. Коварные лыжи имели, оказывается, в запасе еще два способа уронить Лесика. Первый – наехать одна на другую, иногда еще для разнообразия сцепившись носами. В этом случае Лесик падал на бок. Второй – разъехаться в разные стороны, и тогда Лесик летел носом в снег.

Персик, поначалу не разобравшись, что это спорт, а не игра, пытался хватать зубами палки и наступать лапами сзади на лыжи. Когда, ухватив палку, пес в очередной раз начал веселую игру – кто кого перетянет, и уже победил, уронив в снег маленького хозяина, Лесик с папой так страшно на него закричали, что он обиделся, отошел в сторонку и сделал вид, что раскапывание снега – интереснейшее в мире занятие.

До самого вечера Лесик падал, а папа его поднимал. Видно было, что оба устали, но папа все подбадривал сына:

- Молодец!левой-правой!левой-правой! Вот видишь, уже получается. Так, руку давай, поднимаемся!левой-правой! Сильнее толкайся! Вставай! Тяжело в ученье, легко в бою! Зато потом бегать будешь – Персик не догонит!

Лесик старался изо всех сил. Что же мешает ему красиво и быстро скользить по снегу, как спортсменам, выступление которых он видел по телевизору? Вот уж они точно не шагали, а прямо летели над белой лыжной: левой-правой, левой-правой! И было видно, что лыжи им совсем не мешают. И не падали. Тут Лесик догадался, что разница между ним и удачливыми спортсменами в одежде! Вот если бы на нем была не шуба, а красивый облегающий комбинезон, он бы тоже смог быстро нестись по снежному полю. А шуба – что? Плохая одежда. Вообще, любая одежда, кроме майки и трусов, не очень хорошая. Летом встал с постели, и, считай, ты уже одет. Можно на улицу идти. На даче – хоть босиком, а в городе какая-то мелочь остается: сандалии и шорты. Осенью уже похуже: надо обуть ботинки или резиновые сапоги, надеть брюки, рубашку и куртку. Зимой же вообще кошмар! И самое ужасное – шуба! И кто ее только выдумал – толстая, неудобная!

Уже стемнело, и папа, наконец, перестал мучить себя и Лесика. Лесик с порога закричал:

- Мама! Я больше никогда не надену эту кошмарную шубу!

- Это еще почему?

- Потому. Тяжелая она. И вообще, шубы теперь все меньше носят, а скоро совсем перестанут. Даже фотомодели говорят, что лучше ходить голыми, чем в мехах. Это они так о животных заботятся.

- Ну, там, где живут эти фотомодели, можно и голыми ходить. Пускай-ка лучше к нам зимой приезжают. Да и шуба у тебя не натуральная, а искусственная. Такие даже рыбы носят.

- Это как?

- Раздевайся, а я пока тебе расскажу.

У берегов жаркой Африки, в том месте, где Атлантический океан пересекает экватор, живет селедка - бонга. Она плавает в теплой, как парное молоко воде, и чувствует себя в ней прекрасно. Когда-то и наша селедка, которая продается в каждом магазине, тоже жила в этих теплых благодатных местах. Характер у нее был скверный, и все рыбы старались держаться от нашей селедки подальше. Поэтому ее подружкой стала сварливая каракатица, гордящаяся своим умением пускать чернильные пятна, пачкающие светлые воды океана. Бонга же имела добрый мягкий нрав и прекрасно ладила со всеми соседями. Обе селедки были очень красивыми – серебристо-белыми с черными спинками, но у бонга был куда более красивый хвост. Селедка завидовала ее красоте и не раз пыталась откусить бонга хвост, когда она спала. Но всякий раз рыбы-ласточки успевали толкнуть бонга в бок еще до того, как завистливая селедка смыкала свои челюсти. После очередной неудачной попытки испортить красоту бонга, злая рыба приплыла к своей подруге-каракатице жаловаться на свою несчастную судьбу. Каракатица рассмеялась:

- Откусить чужой хвост – дело хорошее. Но можно сделать еще лучше. Я оболью бонга своими чернилами, и тогда в этих водах не будет селедки, красивее тебя. А бонга станет черной, как головешка, на нее никто и смотреть-то не захочет.

И каракатица отправилась исполнять свой план. Подкравшись к спящей бонга, она выбросила в сторону беззащитной рыбы грязное черное облако. Рыбы-ласточки быстро, как птицы, понеслись к бонга, но немного опоздали. Они толкнули беднягу уже тогда, когда черная муть уже коснулась ее серебряных бочков. Но ничего страшного не произошло, просто рыба украсилась по бокам двумя круглыми темными пятнышками, что даже шло ей.

Было понятно, что злая селедка не оставит бонга в покое, пока не сделает ее страшилищем, и, собравшись вместе, обитатели теплых вод прогнали завистливую селедку. Пришлось ей уплыть к северу, где вода, сам знаешь, на парное молоко совсем не

похожа. Селедка ужасно мерзла, и ей пришлось сшить себе шубу, такую же, как у тебя, из многих слоев. Пусть она была не очень удобной, толстой и тяжеловатой, но зато грела отлично. Злую рыбину и сейчас можно иногда встретить в шубе, ее так и зовут – селедка под шубой.

- Но, мама! Это же просто сказка! На свете нет никаких бонга, рыб-ласточек и селедки под шубой!

- Что-то я, конечно, сочинила. Но все, что ты перечислил, есть на самом деле. И селедка под шубой тоже есть. Это такое блюдо, где кусочки соленой рыбы укрыты многими слоями разных вкусных вещей: яйцом, луком, свеклой, картошкой. А чтобы такая шуба не развалилась, ее простегивают майонезом.

- А ты сделаешь когда-нибудь для меня такую селедку?

- Конечно. А сейчас мыть руки, ужинать и спать.

На следующий день лыжи стали слушаться Лесика, а через неделю он бегал на них так быстро, что Персик еле-еле за ним успевал. И шуба нисколько не мешала.

ГОЛУБЦЫ

Нежаркое зимнее солнышко все дольше задерживалось в небе, и его тепла уже хватало на то, чтобы подтопить в полдень самый верхний слой снега. Бегать на лыжах стало плохо: если за лыжину удавалось зацепиться крохотному снежному шарик, к нему тут же пристраивались другие, и через несколько минут гладкая деревянная поверхность исчезала. На ее месте теперь был толстый тяжелый слой неровно налипшего плотного снега. Пришлось убрать лыжи в кладовку до весны. Зато из такого снега замечательно лепить. Он гораздо лучше пластилина. Во-первых, бесплатный. Во-вторых, никто не ругается за разведенную грязь и не заставляет отскребать разноцветные жирные комочки и полосы ОТОВСЮДУ. Просто удивительно: лепишь только на доске и аккуратно, а пластилин расползается по всей квартире. Про грязные руки и говорить нечего. В-третьих, снега так много, что можно сделать огромные фигуры, главное, чтобы помощников было побольше. А самое главное – лепить из снега надо не дома, а на улице.

Лесик с Сережей решили слепить не снежную бабу: во дворе их было и так слишком много – от совсем крошечных до огромной, куда выше любого человека. Они решили слепить слона. Ноги-колбаски вышли у них замечательно. Сверху на них легло продолговатое туловище. Вокруг потихоньку стали собираться дети со своими родителями и гадать, что же это будет? Когда к туловищу была пристроена голова, начали высказываться самые догадливые:

- Кошка!
- Нет! Собака!
- Я точно вам говорю, это бегемот!

Лесик и Сережа только загадочно улыбались и до поры до времени помалкивали. Скоро все сами увидят и поймут. Хвост сделали из длинной ветки, с которой по двору носился Персик. Пес попытался вернуть обратно свою собственность, и Лесик поручил Сереже охранять ветку, пока он будет катать хобот. Охранник из Сережи получился плохой: Персик изловчился и выдернул из слона хвост. Сережа успел ухватиться за прут, но Персик не сдавался, тянул его на себя. В результате ветка сломалась. Персик был рад, что отвоевал хотя бы половину, и с ней умчался, а ребята решили, что новый хвост даже

лучше. Вот если бы они лепили кота или собаку, длинной ветки было бы жалко. А у слона хвост и должен быть коротким.

Хобот из снега никак не хотел лепиться: как только достигал нужной длины, сразу разваливался. Поэтому к голове пришлось приляпывать, то, что есть: небольшой его остаток. С ушами тоже вышла загвоздка: от больших плоских блинов после прикрепления отваливалось почти все. И после долгих мучений голова украсилась остроконечными треугольниками. Снежная скульптура была закончена. Что она изображала, не знали даже сами скульпторы. Хорошо, зрители об этом не догадывались и продолжали высказывать свои предположения. Сторонники бегемота сходства с ожидаемым животным не нашли, и в их лагере стояла тишина.

- Точно, кошка! – обрадовались «кошатники».
- Ну, конечно, - язвительно отозвались «собачники», - А хвост вашей кошке обрезали! Да и морда что-то длинновата! Вот если хвост торчком поставить, будет вылитый доберман!

Ребята спорить не стали, так и сделали. И еще на обрубок бывшего хобота прилепили круглый снежный комок – нос. Получилось – лучше некуда! Они решили слепить еще что-нибудь необыкновенное, но в голову приходили только звери с исключительно длинными ушами или хвостами. Печальный же опыт показывал, что все длинное из процесса создания скульптуры должно быть исключено. Оставалось одно: пойти домой и посмотреть по картинкам что-нибудь подходящее.

- Пошли ко мне! – предложил Лесик, - у меня энциклопедия животных есть. Там даже осьминог нарисован. Жалко, щупальца у него длинные. Мы даже раздеваться не будем, выберем, кого надо, и назад.

Из прихожей Лесик закричал:

- Мама! Мы на минутку! Вынеси, пожалуйста, Энциклопедию, чтобы нам ботинки не снимать!

Мама появилась с энциклопедией и ахнула:

- Ботинки не снимать! Да на вас сухого места нет! Быстро раздеваться, и сегодня уже никаких улиц!

Пришлось раздеться, выпить горячего чаю и остаться дома. Во все игрушки давно переиграно, по телевизору – новости. Скучно! Но тут мама предложила интересную игру – в слова. Не ту, где надо слово начинать на ту букву, на которую предыдущее заканчивается. Такая игра ненадолго, потому что очень много слов кончаются на «а». Гораздо больше тех, которые начинаются. Она предложила просто бесконечную игру. Кто-то говорит любое слово, а потом все по очереди называют другие, похожие, как будто цепляющиеся друг за друга. Кто не знает, что сказать, или говорит неправильно, начинает снова. Одни цепочки получались длинными, другие – совсем короткими, третьи не получались вообще. Главное – игра не кончалась! Мама начала: «Бег».

Лесик: «Забег»!

Сережа: «Пробег»!

Мама: «Беготня»!

Лесик: «Набег»!

Сережа: «Выбег»!

А вот и нет такого слова. Сереже водить!

Сережа: «Компьютер»! Тишина. Очередь мамы, а она похожего слова не знает. И Лесик не знает. Значит, мама – вода.

- Голубь!

Лесик: «Голубятня»!

Сережа: «Голубок»!

Мама: «Голубка»!

Лесик: «Голубцы»!

Сережа как закричит:

- Нет такого слова!
- А вот и есть! – еще громче закричал Лесик, - и сегодня вечером мама обещала их приготовить!
- Неужели вы голубей едите? – удивился Сережа.

Мама переглянулась с Лесиком, подмигнула ему, и сказала:

- А что тут такого особенного? Ведь курицу ты ешь? И индейку, и утку. Голубь – тоже птица. Правда, чтобы сделать голубцы на всех, надо наловить очень много голубей, а это непросто, поэтому и готовим мы их редко. Но можно приготовить ленивые голубцы из ленивых голубей. Мы же на последнем этаже живем, и самые ленивые голуби ленятся даже на крышу взлететь, садятся к нам на подоконник: видишь, и сейчас там сидят. Надо только собрать их, добавить рис, соль и капусту – и готово!
- Ой, как здорово! Сейчас я помогу вам их собрать, - и Сережа бросился к окну. Персик его опередил и, встав на задние лапы, громко залаял на птиц. Голуби, зашумев крыльями, сорвались с подоконника.
- Нет, эти не ленивые, - отвернувшись от окна, мрачно сказал Сережа. – А, может, и были ленивыми, да Персик с них всю лень согнал.

Лесик с мамой не выдержали, рассмеялись.

- Это была шутка, - сказал Лесик. Мы, и правда, делаем голубцы, но совсем не из голубей. Оставайся, попробуешь!.
- А слова «голубь» и «голубцы», хотя друг на друга и похожи, но для нашей цепочки не годятся, - добавила мама. – Это все равно, что «диво» и «диван». Звучит почти одинаково, только вот дивану никто не дивится. Так что Лесик проиграл, и ему снова водить!

ФАСОЛЬ

День сегодня обещал быть жарким, и Локус с утра внимательно следил за Антошкой, – когда же он возьмет большое голубое полотенце с веселым дельфином? Это было любимое полотенце Локуса, потому что дельфин всегда ходил с ними на речку, хотя никогда не купался. Но Антошка, как назло, брал то скучное белое полотенце для рук, то легонькое полосатое – вытирать помытую после завтрака посуду. А потом вообще взял какую-то тряпочку и начал водить ей по столу. Эх, хороший у Локуса хозяин, только недогадливый! Ведь осень скоро, может, последний теплый денек выдался, когда можно поплавать вволю! Жди потом нового лета! Локус не отказался бы от купания и в дождь, и в холод, но Антошку в такую погоду на речку не вытащишь, хоть всего обмотай купальным полотенцем. Но сегодня рискнуть стоило. Локус подошел к полочке, где на

крючках висели разные полотенца, встал на задние лапы и осторожно потянул зубами самое большое – с дельфином. Осторожно, потому что край полотенца украшали многочисленные дырочки – следы того, что когда-то пес слишком сильно дернул за ткань. Из-за каждой новой дырки хозяйка хмурилась и строго смотрела на собаку. Никто бы не считал это наказанием, но жизнерадостный Локус, любивший весь мир и желавший видеть вокруг себя одни улыбки, расстраивался ужасно. В этот раз пронесло. Полотенце легко соскользнуло с крючка, и пес понес его Антошке. И хотя рост у Локуса был ого-го, и голову он изо всех сил задирает, все же дельфиний хвост волочился по полу. Антошка подхватил полотенце, погладил Локуса:

- Ах, ты, мой умница! Конечно, такой денек пропустить нельзя!

От похвалы Локус прямо растаял. Он повалился на спину и задрыгал лапами в воздухе, потом сделал вокруг Антошки несколько кругов, бешено размахивая хвостом и, наконец, запрыгал, делая вид, что сейчас отнимет полотенце и сам его понесет. Жулик смотрел на все эти неуместные проявления собачьего восторга без всякого одобрения. Один раз он поддавался искушению и составил компанию хозяину и другу. И что же? Все веселые и шумные приготовления закончились тем, что оба залезли в быструю холодную воду, которой было пугающе много и, как будто этого было недостаточно, еще и колотили по ней лапами, руками и хвостом. А Антошка иногда и вовсе под водой исчезал, заставляя бедного кота волноваться. Жулик бегал вдоль берега и жалобно мяукал. Один раз, когда Антошка не показывался особенно долго, кот, преодолев отвращение, сунул лапу в холодный поток, но тут же ее выдернул. Как же он обрадовался, когда Антошка, а за ним и Локус вылезли, наконец, из воды! Жулик ведь не зря чувствовал, что такое времяпрепровождение не может пойти на пользу – лохматый упитанный Локус после купания превратился в гладкую и довольно худую псину. Только Жулик подбежал к другу, чтобы утешить его и предостеречь о вреде коварной воды, как Локус резко мотнул головой, от чего по его телу пробежала длинная дрожь, и густой шерсти во все стороны полетел дождь. Жулику показалось, что на него вылилось полреки! Локус снова стал лохматым и толстым, зато и так не отличающийся крупными размерами кот стал похож то ли на совсем мелкого котенка, то ли на крупную мышь. Поэтому в этот раз, как только Антошка произнес: “Ну, все, Локус! Хватит дурачиться! Или идем, или нет!” - Жулик выскочил за дверь и притаился в кустах. С него хватит!

Но Антошка не сразу пошел на речку. Он решил зайти за другом. Только собрался толкнуть скрипучую калитку, как мама Лесика крикнула ему из-за забора:

- Антон, подожди! Вчера Лесик с папой и Персиком у Анжелики какое-то привидение ловили, вернулись – и сразу спать. Петушок их разбудит, ты уж, пожалуйста, подожди за калиткой!

Антошка сел на траву у забора и стал повторять гамму, которую разучивал зимой в музыкальной школе. Он сидел и потихонечку напевал: “До, ре, ми, фа, соль, ля, си”! А потом обратно: “Си, ля, соль, фа, ми, ре, до”! И не заметил, как подошла Яна.

- Антошка! Что это ты тут расселся? И что это за песня такая? Музыка хорошая, а слова какие-то непонятные. Это не по-русски?

- По-русски. И это не песня, а гамма. Я в городе в музыкальную школу хожу. Гамма – это семь нот. Одна нота – один звук, другая – другой. Это и голосом показать можно, и нарисовать. А Лесик еще спит, вот я и повторяю гамму потихоньку, чтобы не скучно было ждать.

- Вот здорово! – обрадовалась Яна, - я ведь тоже осенью в музыкальную школу пойду! Мне папа обещал пианино купить. Давай петь вместе!

- Давай! Только все ноты ты сразу не запомнишь, но мы будем петь просто: “А-а-а”!

И Антошка начал. Получалось у него, как будто эта “А” поднималась вверх по ровным ступенькам все уменьшаясь и уменьшаясь, а потом по ним же спускалась, становясь все больше и больше.

Яна тоже стала ему подпевать, и так у них здорово получалось, что оба вздрогнули от неожиданности, когда вдруг заскрипела калитка. Локусу пришлось замереть, чтобы нечаянно не наступить на белый шарик, запрыгавший вокруг него, только лохматый хвост, мелькавший за спиной, говорил о том, как он рад Персику.

- Ребята, что это вы тут устроили? – слышался сонный голос, и в калитке показалась голова Лесика. Голова несколько раз зевнула и продолжила – Я сплю, а Персик вдруг как завоет!

- Это он нам, наверное, подпевал! – похвасталась Яна. Мы с Антошкой гамму пели. Вот, послушай! “До, ре, ми, фа, соль”!

- Никогда про “до –ре-ми” не слышал, - сонно пробормотал Лесик. Про фасоль знаю, что это такое. Остальное тоже, наверное, едят?

- Нет, что ты! – запротестовал Антошка. – Пошли в дом, я тебе даже нарисовать фа и соль смогу.

- Фа, может, и нарисуешь, если она крупная, а соль просто невозможно!

Дома Антошка взял лист бумаги и карандаш, нарисовал пять длинных палочек и между ними два приплюснутых кружочка. Один оставил белым, а второй закрасил карандашом.

- Вот, смотри. Это нотная линейка. А это – фа и соль.

- Точно! Фасоль и есть. Она такая же, и цвет у нее тоже может быть и белым, и темно-красным. Просто у меня карандаша такого нет! Ох, и вкуснятина!

- Нет такой еды – фа-соль! – рассердилась Яна. – Если бы была, я бы знала!

- Ну, конечно! Ты даже про картошку знала! – ответил Лесик. Поверишь только тогда, когда попробуешь!

Антошка молчал. Он знал и про ноты фа и соль, и про фасоль, которую очень любил, но просто растерялся. Ему и в голову не приходило, что можно спутать две такие разные вещи. Не приходило в голову и как можно их распутать.

Назревающая ссора разбудила Лесикиного папу. Он, хоть и проспал привидение в Анжеликином доме, но утром лег вместе с сыном, все же сон в кровати и в кресле – вещи разные.

- Так, молодежь! Всем привет! О чем такой жаркий спор? – спросил папа.

- Лесик думает, что фа и соль есть надо, а не петь, - пожаловалась Яна, - наверно, не до конца проснулся.

- Яна фасоли никогда не пробовала, и Антошка, похоже, шутит, что ее петь надо. Говорит, это ноты, и рисует даже, а все равно получают не ноты, а самая настоящая фасоль. И цвет тот же.

Антошка, знавший правду, чувствовал себя виноватым, потому что заставил спорить своих друзей.

- Все! Больше не спорим! – объявил папа, - Здесь нет ни правых, ни виноватых! Просто кому-то не хватает знаний и жизненного опыта, - и он посмотрел на Яну и Антошку.

Те сразу поняли, что именно им этих вещей не хватает, и смутились. Антошка же, наоборот расправил грудь и приосанился, осознав, что обладает и тем и другим.

- А кое-кому, - продолжил папа, - не хватает житейской мудрости, чтобы свои знания предать другим, - продолжил папа. Тут смутился Антошка, потому что теперь взгляд папы был направлен на него.

- Это все не страшно. И то, и другое, и третье обязательно появится. Приходи к нам завтра, Яночка, мы попросим маму, и она нам что-нибудь приготовит из съедобной фасоли. Ноты фа и соль тоже есть. Ты, Лесик, не сомневайся. И еще пять других. Нарисованными они и правда на фасоль похожи. А от того, каким цветом эти фасолинки нарисованы, зависит долгота их звучания. Это как бывают высокие или низкие ступеньки. Может, тебя тоже в музыкальную школу записать? Ну-ка, Антошка, пропой нам гамму, посмотрим, сможет ли Лесик ее повторить?

Антошка начал: “До, ре, ми”...

- Фа, соль, - подхватила Яна.

Со двора раздался тоскливый собачий вой.

-Ну, ладно, - засмеялся папа, - на сегодня занятий хватит. Пойдем купаться. А вот кого в музыкальную школу отдавать – Лесика или Персика, надо еще подумать.

ПШЕННАЯ КАША И ГРИБЫ

Захватив полотенца для себя, Яны и Лесика, папа первым направился к речке. Лесик упросил его взять еще пакетик с пшеном, чтобы подкормить птиц. Мама объясняла Лесику, что птицам помощь в основном зимой нужна, а летом им и так еды хватает. Воробьи и голуби, конечно, другое дело. Давно они уже от человека зависят, хотя домашними так и не стали. Но Лесик все же мечтал попытаться приучить к себе каких-нибудь полевых птиц. Проходя мимо пшеничных полей, ребята подняли такую пылищу, что она скрыла их по пояс. Хорошо, даже грязь здесь какая-то чистая, ее сполоснешь слегка водой, и никаких следов не остается. А в городе погулял немного, вроде изо всех сил стараешься не запачкаться, руками ничего не трогаешь, а домой обязательно вернешься чумазым, и уж эта грязь ни за что без мыла не отстанет.

Собакам носиться по пшенице запретили, но они и не обижались. Пыльная дорожка вполне их устраивала. Локус остановился на самом мягком ее участке у обочины, шлепнулся в пыль спиной и задрыгал в воздухе лапами, изгибая позвоночник. На его добродушной морде появилось выражение неземного блаженства. Персику ужасно хотелось присоединиться к другу, но он помнил, как его ругали за грязную шерсть, и не решался. Но когда Локус стал от удовольствия даже похрюкивать, Персик не выдержал и шлепнулся рядом. Ох, как хорошо! Шлепок полотенцем или газетой – ерундовая плата за такое удовольствие! Накатавшись в пыли досыта, собаки отряхнулись, и вот чудо! Шерсть их совершенно не изменила свой первоначальный цвет!

Какое удовольствие окунуться в жаркий денек в прохладную чистую воду! Мальчишки прыгнули в речку с разбега, за ними – Локус и Персик, а Яна маленькими шажками зашла по пояс и остановилась. Она умела плавать только с кругом, и потому сегодня ей светило не плавание, а дрызганье.

- Папа! А ты чего ждешь? – крикнул Лесик с середины реки.

- Знаешь, как-то вас сегодня очень уж много. Мало ли что! Вода есть вода. Накупаетесь, тогда и моя очередь придет, а вы будете следить, чтобы я не утонул.

Лучше всех плавал и нырял Антошка.

- Яна, я тебе сейчас кувшинок принесу, - пообещал он и через минуту был уже на другой стороне реки у желто-зеленого плавучего островка. Но почему-то цветы рвать не стал, а полез на берег. Верный Локус следовал за ним. Антошка зачем-то обошел ближайшие березки, кланяясь каждой до самой земли, а потом, прижимая руки к животу, спиной зашел в воду и поплыл обратно. Поднимая ногами тучи брызг из-за занятых рук, Антошка приближался к девочке. “Живот у него, что ли болит?” – подумала Яна, но Антошка уже вылез на берег, опустил на колени, разжал, наконец, руки, и на траву упали три чудесных серых с мраморными разводами гриба.

- Вот! Подберезовики. Лучше, чем кувшинки?

Подошел дядя Аня и удивился:

- Ого! Уже грибы пошли?

А Яна от такой красоты даже дар речи потеряла. Она гладила бархатистые шляпки, прижималась к ним щекой и все вдыхала чудесный грибной запах. Уж каких только

ароматных духов не было у ее мамы, но такой свежий и чистый запах не встречался. Наверное, он не выжил бы в плотно закрытых стеклянных флакончиках.

- Антошечка! – Яна жалобно посмотрела на мальчика, - а ты все грибы собрал?

- Да что ты! Я и в лес-то не зашел. Эти прямо у берега росли.

- Как мне хочется гриб найти! Может, ты поможешь мне переплыть речку?

- Не знаю, получится ли. С Локусом надежнее будет. Уцепишься за его шерсть – и никаких проблем!

- Так-так, ребята! А ну-ка, сбавили темп! – вмешался дядя Аня. – Кто же ходит в лес в трусах? А грибы куда вы класть собираетесь?

- Куда класть, я придумала. Мы полотенца завяжем, получатся сумочки!

- Нет, все равно не годится! Грибы никуда от нас не денутся. Мы завтра с утра наденем сапоги и куртки, возьмем корзины и пойдем за речку. Тут недалеко должен быть мост.

- Дядя Анечка! – Яна умоляюще сложила ладошки. – Нельзя завтра! Вдруг завтра грибов не будет? Вдруг их все соберут? А куртки и сапоги только для дремучего леса нужны. Здесь не лес даже, а лесок, рощица маленькая. У нас в городе и то гуще деревья растут! Мы же не пойдем далеко, просто вдоль берега походим! У моего папы есть резиновая лодка. Ну, пожалуйста! Что Вам стоит! Мы здесь подождем, а Вы быстренько лодку принесете!

Янина идея так всем понравилась, что дети все-таки уговорили Лесикиного папу, и он отправился за лодкой. Не прошло и получаса, как он вернулся с резиновым свертком, двумя легонькими веслами, насосом и целой кучей пакетов под грибы. Лодку накачали, и за два приема все оказались на другом берегу. Собакам пришлось переправляться вплавь: тонкая резина и когти – неподходящее сочетание. Лодку привязали в тростниковых зарослях рядом с другой, деревянной, неизвестно кем оставленной. Может, в лесу были еще грибники?

Яна взяла пакет с пшеном, которое Лесик собирался высыпать по дороге, да забыл.

- Знаешь, Лесик, в поле и так зерна достаточно. Я в лесу первый раз, и буду, как Мальчик – с- пальчик, кидать зернышки, где прохожу, чтобы не заблудиться.

- Вот у тебя зернышки, как у Мальчика – с – пальчик, птицы и съедят! А белых камешков здесь нет!

- Это еще что за разговоры? – поинтересовался дядя Аня. – Кто это у нас заранее собрался теряться? Значит так, держимся, все вместе, из виду никого не выпускаем. И только вдоль берега! Учтите, бабушка Майя мне по секрету рассказывала, что в этом лесу людоеды водятся. И с одним она лично знакома. Он, хотя и молодой, но усатый и бородатый, и очень любит есть маленьких детей.

Ребята посмеялись и разбрелись по берегу. Лесик и Антошка время от времени радостно вскрикивали, находя красавцев-подберезовиков, дяде Ане тоже иногда доставался лесной подарок, и только Яне не везло. Она просто замучилась, бегая от одного мальчика к другому, чтобы полюбоваться на их находки. Подберезовики были двух видов. Одни, мраморно-серые, были покрыты сверху сухой бархатистой кожицей, у других, темно-коричневых, шляпка была влажной и липкой, как будто над ними только что прошел дождь. Но и те, и другие были чудо как хороши!

И тут удача, наконец, улыбнулась Яне. Да еще как! Между крохотной елочкой и кудрявой березкой она заметила что-то коричневое. Девочка развела в стороны густую траву, и перед ней предстал во всей красе боровик. Шляпка крепкого гриба была похожа на мягкую замшу ее зимних сапожек, матовая поверхность излучала благородство и достоинство. Настоящий грибной царь! А рядом – наследник престола. Хоть и маленький, но стать и гордая осанка сразу же выдавали в нем особу королевских кровей! В почтительном отдалении среди елочек толпились придворные – дружная стайка лисичек,

разряженная в яркие кринолины. У Яны даже дыхание перехватило от такой красоты. Прежде, чем положить очередной гриб в полиэтиленовый пакет, что было, конечно, кощунством, девочка подолгу любовалась каждым и даже разговаривала с ними:

- Извините, Ваше Величество! Вам, конечно, подобает лежать в красивейшей ивовой корзинке, но я уверена, что Вы простите мне доставленные Вам неудобства!

Или:

-Ах, уважаемая фрейлина! Какое досадное недоразумение! Вместо кареты сегодня подали простую телегу! Уверяю Вас, больше такого не повторится!

Грибы молча, и не теряя достоинства, укладывались в пакет на мешочек с пшеном, и скоро полностью его закрыли. Так Яна и брела между елочек, то и дело срывая новые грибы и совсем не замечая, как летит время. И вдруг, как из-под земли перед ней появился парень огромного роста. Он приветливо улыбался Яне, но, заметив на его лице бороду и усы, девочка сразу вспомнила предостережения дяди Ани и испугалась. Она стала оглядываться, ища своих спутников, но их нигде не было. Не было и речки. Да и сам лес из веселой березовой рощицы превратился в негустой ельник.

Парень с самым дружеским видом поздоровался и спросил:

- Как тебя зовут, девочка?

Яна, как вежливая девочка, ответила неожиданному собеседнику, но тут же решила сделать проверку:

- А Вы знаете бабушку Майю?

- Знаю. А почему ты спрашиваешь?

- Ну, вот! Все сходится. Усы, борода, лес, бабушка Майя... Точно, людоед! – завертелось в голове у Яны. – Надо изо всех сил стараться не показать ему, что я его боюсь, и все про него знаю! Может, он сейчас и не голодный. Буду-ка я делать все, что он скажет, а потом улучшу минутку и сбегу!

- Где Вы живете? – попыталась поддержать разговор Яна.

- Да здесь в лесу и живу. Вон моя избушка. Приглашаю в гости.

- А едите что? – продолжила допытываться девочка.

- Ну, всякое, - уклончиво ответил людоед, укрепив Янины подозрения. - Что, по-твоему, можно есть в лесу?

- Я могу угостить Вас пшеном, - вспомнила Яна про неиспользованный пакетик, - и грибами.

- Ну, грибами я не обижен. А вот пшено в лесу не растет. Ты поможешь мне сварить кашу?

- А я еще не научилась. Зато научилась ее есть! Недавно совсем, – похвасталась Яна. – И гречневую, и перловую, и манную, и овсяную!

- Ого! – удивился людоед. – А я-то думал, что все дети примерно с годика это умеют. Эх, совсем я тут в лесу одичал, отбилась от жизни...

- Не расстраивайтесь, дяденька (людоед – чуть не прибавила Яна, но вовремя спохватилась), так оно на самом деле и есть. Просто у меня были тут разные обстоятельства.

В домике у людоеда оказалось очень чисто и опрятно. Человеческих костей нигде не валялось, любых других – тоже. Людоед быстро и ловко растопил печку, поставил на нее кастрюлю и сковородку, достал из-под крыльца масло в стеклянной банке и сухое молоко.

- Где он добывает в лесу такие продукты? – удивилась про себя Яна.

Через несколько минут перед Яной уже стояли ароматные жареные лисички и тарелка с пшенной кашей. Оказывается, Яна успела сильно проголодаться, потому что мгновенно съела оба блюда.

- Как вкусно готовит этот людоед! – думала она, засыпая прямо за столом. – Наверно, он меня откармливает, прежде, чем съесть...

Проснулась Яна на руках у папы. Он просто душил ее в своих объятиях:

- Девочка ты моя золотая! Жива! Я чуть от страха не умер! Мама весь телефон оборвала, звонит без конца со своего курорта, тьфу, забыл даже, где он находится!

- На Багамах, - стряхивая с себя сон, сказала Яна и огляделась.

Папа держал ее на руках, рядом стоял улыбающийся людоед. Впереди и сзади лежала пыльная дорога, вокруг – поля пшеницы. Ни домика в лесу, ни самого леса... Может, ей все приснилось, и она не ходила купаться и собирать грибы? Но почему тогда она проснулась не в своей комнате, и как людоед из сна попал в это место?

А папа продолжал рокотать низким басом:

- Представляешь, прибегает ко мне вся компания: Анаксимандр, Лесик, Антошка. И собаки с ними. Никто мне в глаза не смотрит, говорят, Яночка в лесу пропала. Я сразу за телефон. Думал спасателей из города вызывать. Но отговорили меня, решили еще раз лес прочесать, только народа собрать побольше. Не стал всех ждать, рванул вперед. И вот, пожалуйста, вижу - тебя, как маленькую, на ручках несет твой спаситель!

Тут в начале дороги закружилась белесая пыль, из которой материализовались: бабушка Майя, Анжелика и ее мама, мама и папа Антошки, и еще куча знакомого, малознакомого и совсем незнакомого народа.

- Ну, слава Богу, нашлась! – выдохнул подбежавший дядя Аня. – Не уследили мы за тобой! Грибов – пропасть! Увлечлись. А опомнились, – нет тебя нигде. Мы уж кричали-кричали, по лесу бегали, Локусу с Персиком командовали: “Искать Яну”! Да какое там! Служебных собак таким командам годами учат! Собачки наши вроде и понимают, что им надо делать, а ткну - побегают, побегают – и снова к нам. Пришлось с повинной к твоему папе идти.

Тут в разговор вступил людоед:

- Да и я тоже виноват. Надо было девочку сразу к реке вести, кроме как из поселка, взяться ей в лесу неоткуда. Но, вижу, – устал ребенок, проголодался, решил, пусть поест и отдохнет немного. А она так умаялась, что так за столом и заснула. Пришлось потом ее на руках до речки нести. Даже когда в лодку перекладывал и снова на руки брал, не проснулась.

- Эх ты, Глеб, - запыхавшись от быстрой ходьбы, набросилась на людоеда бабушка Майя, совсем одичал в своем лесу! Понятно, каждый гость тебе – подарок. Чтобы больше такого не было!

Бородатый парень сразу сник, и выглядел таким несчастным, что Яна не выдержала и вступилась за него:

- Не ругайте людоеда! Он хороший! Не стал меня есть, и даже пшенной кашей и грибами угостил!

- Какого людоеда? Где людоед? – раздался голоса.

- Ну, вот же он! Усы, борода, бабушку Майю знает... Все сходится!

- Ах, я, глупец! – стукнул себя по лбу дядя Аня. – Это я во всем виноват! Хотел детей поугубить, чтобы они друг друга не потеряли, а сам устроил девочке испытание, которое и взрослому-то не под силу. Хорошо еще, что она так мужественно с ним справилась! Яночка, не людоед это, а Глеб, наш лесник. Это счастье, что он тебя нашел!

Глеб расхохотался:

- Вот уж не думал, что кто-то меня за злодея примет! Да уж, натерпелась ты, Яночка! Прости меня, глупого, что сразу тебе не представился!

- А я все равно Вам бы не поверила! – призналась Яна. Зато теперь я точно знаю, что людоедов не бывает. А вот кашу Вашу и грибы никогда не забуду! И они всегда будут напоминать мне о приключении в лесу.

БОРЩ

Лесик сидел и спокойно смотрел телевизор, как вдруг по батарее послышался условный стук – три частых удара, а потом, через промежуток, еще один. Значит, Сережа зовет в гости. Он мог бы, конечно, и по телефону позвонить, и сам наверх подняться, но все это не так интересно. Так ведь любой человек сделать может. А вот придумать секретный код и умело его применить, не каждому дано. Лесик быстро стукнул по батарее два раза – мол, сигнал принял и понял, выключил телевизор и через две ступеньки поскакал вниз. Если задержишься слишком долго, Сережа точно вызов повторит. И на этот вызов может откликнуться кто-нибудь из соседей по лестничной клетке: или тоже в ответ постучат, но совершенно бессистемно и бестолково, или не поленятся, поднимутся в квартиру и попросят «прекратить это безобразие». Кстати риск таких посещений почему-то придавал батареечной связи особую прелесть.

- Зачем звал? – спросил Лесик.

- Помощь нужна, - загадочно ответил Сережа и распахнул дверь пошире.

Антошка чуть на пол не сел. Ничего себе! Такой кавардак он видел, только когда шло великое переселение на дачу! Все вверх дном! На полу книжки валяются, на книжках – гора Сережиной одежды, на одежде – игрушки. Лесику прямо плохо сделалось, когда он представил, что его мама застала бы дома такой бардак!

- Что ты наделал? – в ужасе спросил Лесик, - тебя же мама заругает!

- Это я не до конца еще наделал, - похвастался Сережа, - а мама, когда придет, только похвалит.

Лесик решил, что его друг немножко сошел с ума, и на всякий случай возмущаться и ужасаться прекратил. Чего спорить с сумасшедшим? С видом большого специалиста Лесик прошел в квартиру, оценивающе огляделся и выдал:

- Да я и сам вижу, - не до конца все сделано. Можно еще люстру шваброй сшибить, - как раз в середину кучи рухнет. Ну, обуви добавить... Грязной желательно. Если нет грязной, я сбегаяю, испачкаю. Жалко, морозы стоят. Хотя у метро и в морозы грязи полно.

Сережа слушал внимательно, даже слишком, и Лесик продолжал говорить:

- Конечно, мама-то тебя похвалит. Только она еще больше похвалит, если кучу твою парой разбитых тарелок украсить. Я помогу разбить, если хочешь.

- Лесик, у тебя с головой все в порядке? – перебил друга Сережа. – Я тебя позвал, чтобы ты помог мне убраться, а ты? Люстру и тарелки можешь у себя бить, а тут я сам управлюсь и подготовлю маме сюрприз.

- У нее День рождения! – догадался Лесик.

- Да нет же. Я ей каждую неделю какой-нибудь сюрприз устраиваю. Просто так. То посуду переваю, то полы вываю, то уберусь так, что любо-дорого смотреть.

- Вот здорово! – загорелся Лесик, - Давай, сделаем так: я тебе сейчас помогу, а потом мы и для моей мамы что-нибудь придумаем. И ты мне помогать будешь!

- Отлично! Давай убираться, а ты думай пока.

И друзья довольно быстро привели все в идеальный порядок. Лесик всякую игрушечную мелочь и несимпатичные обломки ссыпал в коробку, а почти новых, малоигранных трансформеров, монстров и мягких зверушек красиво расставил на подоконнике. Сберега аккуратно разложил в шкафу одежду: майку – к майке, трусы – к трусам. А потом они вместе расставили на полке книги – по росту, и стало похоже, что это не книжки, а строй бравых солдат.

- Ну что? – спросил Сережа, когда последняя книжка заняла свое место в строю, - пойдём к тебе убираться?
- У меня убираться нечего, и так все убрано, - вздохнул Лесик.
- Я вот что придумал. Мама всю неделю собиралась борщ сварить, и продукты уже все куплены. Только у нее со временем напряженка, вот и кормила она нас какими-то пакетиками – буль-буль – и готово! А разве это еда! Давай настоящий борщ сварим! Это долго, зато вкуснотища – за уши не оттащишь!
- Не знаю, не знаю, - засомневался Сережа. – Я никогда ничего не готовил. Мне вообще запрещают газ включать, когда я один.
- Ничего страшного! – успокоил друга Лесик. Во-первых, ты не один будешь, а со мной. Во-вторых, я сто раз видел, как мама готовит. Там ничего особенного и не надо: морковь, картошка, свекла, капуста и огурцы. Хотя, огурцы, кажется, лишнее. Или нет? Ладно, на месте сообразим.

Друзья заперли Сережину квартиру и поднялись к Лесику. Персик ужасно обрадовался, что маленький хозяин вернулся быстро, да еще не один и запрыгал вокруг мальчиков, приглашая к игре. Но мальчики играть с ним не стали, а сразу отправились на кухню.

- Вот, - сказал Лесик, - раз тебе нельзя газ включать, я кастрюлю с водой сам на плиту поставлю. А ты пока картошку, морковку и свеклу почистишь.
- А мне, когда я один, нож тоже брать запрещают!
- Да не один ты! А нож я тебе дам специальный, им не обрежешься.

Лесик вывалил из пакета в раковину десяток картофелин, две морковки и огромную свеклу, сунул Сереже в руку нож, у которого лезвие было не с краю, а посередине, налил в кастрюлю воды, повернул кран плиты и затрещал над конфоркой электрозажигалкой. Зажигалка исправно трещала, но огонь не загорался, а вместо этого по кухне начал распространяться запах газа.

- Безобразие какое-то! – возмутился Лесик. – Только недавно купили, а уже не работает!

Он потряс синюю палочку с кнопкой.

- Да ты, наверное, не тот кран повернул, - догадался Сережа.
- Точно! Тут внизу даже значки есть, какой кран от какой горелки. Сейчас разберусь.

Разобрался он быстро и прикрыл возникший кружок пламени кастрюлей.

- Ну что, готово? – обернулся Лесик к Сереже.

Сережа молча протянул ему грязную недочищенную картофелину.

- Это все за столько-то времени! Нет, с тобой каши, борща то есть, не сварить!
- Сам попробуй! Это смотреть, как другие делают, легко!
- Давай сюда нож! И учись!

Сережа взял нож и начал скоблить картофелину. Картофельная шкурка сначала довольно быстро полезла с противоположной стороны ножа, но потом начала скручиваться, нож пошел не гладко и легко, а какими-то толчками. И только когда черно-белая спираль отвалилась, возобновился прежний темп. Через минуту все повторилось. Еле-еле почистив две картофелины, Лесик объявил:

- Знаешь, этого, пожалуй, достаточно, а то борщ слишком густым выйдет. Там же еще куча всяких других овощей будет! Так, теперь морковочка!

Морковь почистилась быстрее.

- Все! – объявил Лесик. Устал я! Теперь ты давай! Только свекла осталась. Она большая, ее чистить легко.

- Ничего себе легко! – воскликнул Сережа, вода по темно-красному боку, - да она вообще не чистится!

- У тебя все не чистится! Ну, смотри, последний раз показываю!

Но и у Лесика ничего не получилось.

- Ладно, - решил он, мы ее как следует отмоем, и целиком сварим. Так даже полезнее. А огурец все же добавим, потому что его чистить не надо. Ох, вода-то уже кипит, а у нас еще заправка не готова!

- А как ты собираешься таким ножом все это резать?

- Ну, что ж, придется рискнуть и взять обычный. Я аккуратно.

Резать овощи оказалось даже труднее, чем чистить. Просто удивительно, какими они оказались крепкими! Накрошив капусту, морковь и огурцы в миску, Лесик решил, что вареная целиком морковь будет не хуже тертой или резаной. Полученная заправка выглядела странно. У мамы она была похожа на разноцветный конструктор «Лего» – аккуратные брусочки и кубики. А сейчас в миске лежали какие-то кривые и косые обрубки.

- Да, не очень-то симпатично получилось, - протянул Лесик, да ничего, главное в борще что? Вкус!

Лесик встал на табуретку и ловко опрокинул содержимое миски в кипящую воду. В то же мгновение дикая боль заставила его спрыгнуть на пол. Выплеснувшийся кипяток попал на руки и ступни. Лесик закричал так страшно, что Персик забился в самый дальний угол квартиры и завыл. Сережа, остолбенев, смотрел на своего еще секунду назад веселого друга, еще не поняв, что случилось что-то страшное, и всеми силами желая, чтобы остановился этот жуткий крик. А в это время мама Лесика, бегом преодолевшая последний этаж, от волнения никак не могла попасть ключом в замок. Когда, распахнув дверь и влетев на кухню, мама увидела кипящую кастрюлю, опрокинутую табуретку и воду на полу, она сразу поняла, какое несчастье произошло. Мама заговорила ласково и нежно, как будто ей самой было ни капельки не страшно:

- Ну все, мой маленький, мой золотой любимый ребенок! Сейчас мы смоем эту противную горячую воду холодной, и тебе сразу станет легче. Держись за шею, я тебя в ванную отнесу.

До Лесика совершенно не доходил смысл ласковых и тихих слов, но тон и само присутствие близкого человека заставили его оборвать истошный и страшный своей бессмысленностью вопль. Вместо этого, все-таки разрешив взять себя на руки, он начал выкрикивать:

- Извините меня, пожалуйста! Простите меня, пожалуйста! Сделайте что-нибудь! – и так без конца, как будто на магнитофон поставили кассету для улучшения произношения именно этой фразы.

От холодной воды боль немного утихла, и до Лесика стали доходить мамины слова:

- Разве тебя кто-нибудь ругает? Все тебя простили и извинили. Это ты меня прости, что я задержалась и не уберегла тебя!

Захлебываясь от рыданий, Лесик выкрикивал:

- Простите меня, пожалуйста! Это я просто так кричу! Извините меня, пожалуйста! Это я просто так кричу!

- Просто так, просто так!,- тихо повторяла мама, укладывая Лесика на кровать.
- Сережа, поговори с ним немного. Все равно о чем, просто говори все подряд, а я сейчас скорую вызову.

Не переставая выкрикивать бессмысленные извинения, Лесик поднял руку и увидел, как на обожженных местах кожа собирается в мелкие-мелкие складочки, под которыми кое-где начинают надуваться пузыри. А Сережа рядом забубнил:

- Сейчас приедет врач, поможет чем-нибудь, и будет хорошо и не больно. Ты сразу поправишься, и мы с тобой доварим борщ.
- Никогда не буду варить борщ! Никогда не буду варить суп! – закричал Лесик, - простите меня, пожалуйста!

Лесику пришлось поехать в больницу. Добрые руки врачей заставили сдаться и отступить боль. Мама всю ночь и следующий день просидела у постели сына, то поправляя подушку, то поднося стакан с водой. А вечером папа отпустил ее на пару часов, и она вернулась с целым пакетом всяких вкусных вещей: тут был сок из магазина и компот с дачи, виноград и апельсины, и даже карамелька «Чупа-Чупс», обычно запретная из-за боязни кариеса. И среди всех этих гостинцев оказалось что-то теплое, завернутое в фольгу и бумагу.

- А это что? – спросил Лесик.
- Сюрприз! – ответила мама, разворачивая банку. – Я быстренько доварила твой борщ. Кое-что пришлось убрать, кое- что добавить, но основа – твоя. Ты вчера правильно кричал, что варить борщ не будешь, по крайней мере, пока не вырастешь. Но съешь, что сварил, надеюсь, не откажешься?

Лесик заглянул в банку. Пахло – с ума сойти! И выглядело нарядно и красиво.

- Мама, а это точно мой борщ? У меня овощи какие-то другие были.
- Твой, твой, не сомневайся! Я же сказала, что только кое-что исправила.

Лесик съел целую тарелку борща, а потом попросил добавки. Да, маме никогда не удавалось приготовить так вкусно! А, может, он просто проголодался от больничной пищи?

В больнице пришлось провести почти месяц. Когда после ежедневных перевязок и уколов Лесик впервые вышел на улицу, он ужасно удивился: куда же делась зима? Тротуары были сухими и чистыми, газоны покрылись зеленым пушком, и только в тени домов оставались черные бугорки, в которых с трудом угадывались остатки снега. И это означало только одно: маленький деревянный домик снова готовился встретить своих хозяев.